

Виталий Храмов

ИСПЫТАНИЕ СТАЛЬЮ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Виталий Храмов

**Сегодня – позавчера.
Испытание сталью**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Храмов В. И.

Сегодня – позавчера. Испытание сталью / В. И. Храмов —
«АСТ», 2018 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107860-7

Из XXI века в 1941 год. Год знаковый, переломный. Но почему именно он, обычный человек? Но кто-то уже всё решил за него, и его ждёт судьба Героя. Но у Героя свои уровни боя и жизни, свои трудности, свои испытания, и неожиданные встречи, встречи с невероятными людьми. И с людьми ли?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107860-7

© Храмов В. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Сегодня	6
Часть 1	11
День открытий	11
Области Тьмы	14
Дорожные байки	17
Домик в деревне	22
Разговоры по душам. Какая душа, такие и разговоры	26
Народная медицина	28
Пастораль	33
Охота на собрата	35
Полевая медицина по-уральски	39
Дорога в храм	42
Прощальный ужин	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виталий Храмов

Сегодня – позавчера: Испытание сталью

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 130

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

Сегодня

Тук-тудук – тудудух! – прогремел полувагон по соседнему пути, пересчитав колпарами все стыки стрелочного перевода. Вот, блин, жара! Солнце нещадно палило. Прокалённый воздух маревом колыхался на месте. Ни дуновения ветерка. А тенёчка тут, на «горке», и не было никогда. Вода в канистре была тёплой и нисколько не помогала. Тут же всё выпитое выступило потом, заливало глаза, разъедала их. Одежда, горячая, пахнувшая глажкой утюгом, стала жёсткой от впитанной соли пота. И снять нельзя. Так и жарься в рабочих ботинках, плотных синих рабочих штанах, в оранжевом сигнальном жилете.

Выпил третью кружку, четвертую вылил в кепку, поболтал – прокалённый хэбэ выцветшей бейсболки не хотел впитывать воду. Да так с водой и напаялил на голову.

– Ух, гля, хорошо!

– Да, на пять сек. Потом хуже будет. Ну чё, за водой ходим? – Максим жадно затягивался сигаретой.

– Ну её! С кем другим сходи. Ты же знаешь – я тяговая животи́на, не беговая.

– Ну, как хочешь. Я один пойду. А то опять Князь в истерику впадёт, заплюёт, если с собой кого возьму. Тады засыпай.

Я пожал плечами. Укладка стрелочного перевода завершалась. Князев, руководитель работ, заканчивал выгрузку щебня – балласта на уложенную стрелку. Все в бригаде, обречённо понурившись, старательно делали вид, что не понимают, что надо дальше делать, как-то потараканы прятались от глаз Князева, по-детски наивно надеясь, что пронесёт. Устали. Очень устали. Ещё сильнее давило осознание того факта, что твоя зарплата никоим образом не зависит от нагрузки. По техпроцессу эту работу должны выполнять 16 человек, нас 9. И думаете зарплату шестнадцати разделят на нас, девятых? А вот хрен ты угадал! И если прошлындаешь где-нибудь целый день – зарплата опять та же. Откуда возьмётся усердие?

На меня вдруг напало чувство, что всё это уже было. Дежавю. Или как-то так. Я по-французски не очень. Чувство столь яркое и явственное, что я забеспокоился – с чего бы это? Может, я перегрелся, «отлетаю»? Да, стопудово, так и есть. Просто перегрелся, вот меня и «плющит».

Я взял свою лопату, облокотился на неё, закурил.

– Заполняем шпальные ящики! – раздался надтреснутый голос. О, вот и мастер нарисовался. Голосок-то сел.

Всё это уже было! Сейчас он с Морячком сцепится до душевных «посылов». А потом с Гусёнком. Гусёнка менты загребут.

Я бросил лопату, пошёл в закуток башмарей.

– Князь идёт! – громко зашептал я в окно. Вот и Гуси вылетели, испуганно озираясь.

– Всё шутишь? – мрачно спросил Игорь.

– Нет. Жара. Развезёт вас, проблем наживёте. А вас уже ищут. Пойдём.

Обречённо поплелись за мной. Я за ними было пошёл, но мне вдруг резко поплохело. Я сел на корточки, голова закружилась, в ней крутились образы будущего, прошлого. Лица живых, убитых. Я ВСПОМНИЛ ВСЁ!

– Мастак, ты чё? – это Игорь. Увидел – переживает. Я уже не мастер в этой бригаде, но Игорь продолжал звать меня Мастаком.

– Жара, Игорь, поплохело что-то. Шас пройдёт, – ответил я ему. А у самого перед глазами стоял стол в подвале морга, накрытый зелёной клеёнкой.

– Мне надо идти! – Я резко поднялся.

Игорь даже отшатнулся.

– Куда?

– Не знаю пока, – ответил я ему. – Князю скажи, что я уволился.

– Охренел?

– Нет, не охренел.

– Перегрелся? Чёкнулся? – Он схватил меня за желтуху.

Я резко повернулся к нему.

– Ради чего ты живёшь, Игорь?

– Ты чё, Витёк? Ты серьёзно?

– Как никогда, Игорь! Для чего? У тебя есть что-либо, за что ты готов, не раздумывая, жизнь отдать? В полный рост пойти на пулемёт?

– Вот это тебя торкнуло! – усмехнулся он, пытаясь перевести всё в шутку, но глаза остались серьёзными, даже какими-то протрезвевшими.

– А у меня есть ради чего жить, – на полном серьёзе ответил я. – И я больше не буду жить просто так! Гля, надо было оказаться ТАМ, чтобы понять, как дешёво я прожигал жизнь!

– Где – там? – тихо спросил Игорь.

– Там. Слушай, мне больше некогда. Прощай, Игорь!

– Я бы тоже хотел быть «Там», – вдруг сказал он, – чтобы было за что умирать. Чтобы жить захотелось.

Он отвернулся, сел на трубу пневмопочты, закурил, горестно уронив голову с копной соломенных волос.

М-да!

Но! Я уже опаздываю!

Подошёл к своей сумке, с ненавистью сорвал желтуху с себя, бросил под ноги, плюнул, растоптал. Давно мечтал. Водрузил сумку на плечо, продемонстрировал с недоумением смотрящим на меня мастеру и Князю средний палец руки и пошёл через пути.

Достал телефон, зажёл экран, чтобы увидеть время. Так, у меня шесть часов. Что делать?

Вариант 1: забрать своих домой. Вариант самый простой. А как показывает жизнь – самый простой не значит, что самый лучший. Прорабатывали ЕЁ и меня основательно, а значит и долго. Это не экспромт. А проработанная операция... Тут сразу же опять встал вопрос – почему именно мы? Чем мы другие, ради чего столько усилий? Если ради почек-селезёнок, то есть варианты и попроще, чем я и моя жена. Тот же результат при меньших усилиях. Они же развернули многоступенчатую комбинацию с прикрытием и отсечением хвостов, будто я не путеец, а офицер ФСБ немелкого калибра.

Так, это важно, конечно, но не сейчас. Сейчас – что делать-то?

Так, если я их заберу, то их планы это не отменит. Не могу же я быть с ними ежесекундно? Да и остановит ли их моё присутствие? Да, мой боевой опыт, недавно приобретённый, может их неприятно удивить, но они-то про него не знают? Нет, не знают. Что им стоит в форме ментов вломиться прямо к нам домой? Сами же и откроем двери.

Ха! А что ж они не сделали именно так? Самый простой вариант. Не надо было бы пасти её по городу. Адрес известен. Чё-то они перемудрили. Ну, ладно!

Что-то мысли мои носятся по кругу, а толку не стало.

Вариант 2: сдать их Полкану. Пусть он и разбирается. Хм-м! Точно!

Достал телефон, нашёл запись в памяти его симки, нажал вызов. Трубку взяли сразу же. Я поздоровался, извинился, что отвлекаю, запросил встречи по важному и очень срочному делу.

Полкан молчал.

– Она уже прошла комиссию, и группа зачистки уже в городе, – сказал я.

– Ты где сейчас? – ответил телефон.

– На станции. В парке. По путям иду.

– Подходи к магазину. За тобой приедут.

Подойдя к магазину, я поставил сумку, достал, затем надел майку, налил себе кофейку из термоса. Извращение, конечно, в такую жару пить кофе, но очень уж хотелось. Я же там, у Сталина, год пробыл, почти без кофе. С наслаждением затянулся «Винстоном», да под кофейку!

Подкатила убитая тёмно-зелёная четвёрка, с Кумом за рулём. Я сел, поручкались, также ни слова не говоря, поехали. Он ничего не спрашивал, а у меня с ним общаться вообще не было желания. Это тут он меня ещё не предал, но я-то помню!

Свернули к лесополосе, остановились, Кум кивнул на деревья. Я прошёл посадку насквозь и встретил Полкана в выцветшем камуфляже с лукошком в руках.

– Что случилось? – буркнул он, не подав руки. А мне и не пристало первому руку тянуть. Устав всё же проник в меня.

– То, что я скажу, будет казаться бредом, но прошу выслушать до конца. Сегодня вечером запланирована операция по изъятию внутренних органов у моей жены...

Мы шли вдоль тополёвой посадки, я рассказывал, Полкан без интереса слушал. Единственное, что он спросил:

– Откуда ты всё это узнал?

– Во сне видел. Вы можете мне не поверить. К вам я обратился только потому, что вы тоже вовлечены в это. Если вы мне не поможете, то я сам...

– Что ты сам? – усмехнулся он. – Ты хоть представляешь, кто это?

– У меня есть выбор? Я вообще не пойму – почему я?!

– И что же ты собрался делать?

– Мне нужен ствол, – ответил я. Я уже понял, что без толку к нему обратился.

– И что же ты с ним делать будешь? Ты ж в руках даже не держал.

– Уж как-нибудь. Память предков поможет.

– Нью-нью. Что ж! Так и быть. Езжай, подбери что хочешь, а там посмотрим. Тебе помогут.

На той же четвёрке, с тем же водилой ехали в город, петляли по улицам и улочкам. Я с жадностью смотрел на знакомо-незнакомый город, так сильно изменившийся за семьдесят лет.

Наконец приехали в гаражный комплекс. Кум, повозившись с замком, отпер давно не крашенные ворота, включил свет, прошёл внутрь. Я следом. Он поднял сиденье старого грязного дивана. Охренеть! Автоматы, пистолеты, патроны, даже гранаты. Две трубы одноразовых гранатомётов.

– К войне готовимся?

Кум хмыкнул. Достал автомат, покрутил в руках. Я же достал ВСС «Винторез» – тут был даже он. Хотя ствол и был мне знаком только по «Сталкеру».

Кум опять хмыкнул. Но, когда я, повозившись, частично разобрал винтовку, собрал обратно, снарядил магазин патронами, вставил, поставил на предохранитель, посмотрел сквозь прицел, лицо Кума вытянулось. Да, ВСС я никогда в руках не держал, но СВТ освоил в совершенстве. А принцип всех стволов – одинаков.

Кум взял пистолет с интегрированным глушителем, бинокль, опустил седушку дивана. Винтовку положили в коробку из-под ЖК-телевизора, погрузили в машину, поехали.

– Где научился? – спросил он.

– В «Сталкере».

– Это что такое?

– Игра такая. Компьютерная.

Кум опять хмыкнул. А что? Почти правда. Если не рассказывать про сорок первый.

Мы сидели у окна второго этажа недостроенного дома. Через дорогу стояла машина псевдогаишников. Тех самых, в кроссовках. С глазами Хитмана. Закатное солнце их пока хорошо освещало, символически окрашивая в красное. Я когда их разглядел в прицел, аж мурашками лошадиными покрылся. Холодно-равнодушные взгляды убийц. Вот, теперь и сидим. Ждём.

Непонятно чего. Кум по-прежнему, а вернее, непривычно не разговорчив, молчал. Я тоже не большой любитель трепаться без отдачи.

Посмотрел на время. Осталось полчаса. Плюс-минус.

У Кума завибрировал телефон. Он поднёс трубку к уху, сказал туда: «Понял!», сбросил, поднялся, оставаясь в тени окна. Я тоже встал, также не отвечивая в проём окна.

– Сработаешь?

– Да.

– Уверен?

– Да.

– Может, я?

– Нет.

– Как знаешь.

Слева появилась машина моей жены. «Гаишник» лениво пошёл навстречу, поднимая жезл. Моя жена остановилась, некоторое время препиралась, но вышла из машины, пошла за «гаишником». Я смотрел на всё это краем глаза. Кум вообще не смотрел в их сторону. Волчары такие, что уже несколько раз бросали взгляды на наш дом, почуяв наши взгляды.

Моя жена шла впереди «гаишника», видимо споря или возмущаясь, размахивала руками. «Гаишник» быстро осмотрелся направо-налево вдоль дороги и занёс полосатый жезл для удара.

Винтовка толкнула меня в плечо, на желтухе «гаишника» появилась дырочка, а с другой стороны выплеснулся фонтан красных брызг. Он споткнулся, стал падать, я перенёс прицел на того, что сидел в машине, но тот уже нырнул вниз, машина тронулась задним ходом. Я лупил и лупил туда, где он должен был быть. После пятого выстрела машина взревела, рванула задним ходом, снесла столб, встала, бетонный столб рухнул на неё сверху, сразу смяв крышу. Искорёженная дверь распахнулась, оттуда вывалилось окровавленное тело. Я влупил по нему ещё раз, так, что мозги выплеснуло на асфальт. Потом добил, так же в голову, первого.

Чувство острой опасности сдёрнуло меня с места. Вправо. Но поздно. Пуля ударила меня в левое плечо, разворачивая. Второй его выстрел выбил кирпичное крошево из стены, а третий его выстрел совпал с моим первым. Пуля ударила меня в грудь, отшвыривая на стену, напротив, как в зеркале, отлетел Кум. В полёте я выстрелил ещё раз. Вторая пуля попала ему в горло.

– Зачем, брат? Зачем?

Но он уже не мог мне ответить – у него началась агония. Как же всё глупо вышло!

Я поднялся, выглянул. Моя жена стояла, оцепенев, около труп «гаишника». Я достал телефон, вызвал её.

– Витя! Витя! Тут такое!

– Я знаю. Подними голову. Недостроенный дом.

– Вижу!

– Аптечка нужна срочно. Срочно!

Винторез я положил у тела Кума, его пистолет забрал, пошёл ей навстречу.

– Надо срочно уезжать! – сказал я жене.

– Что это всё...?

– Потом! Поехали! Поедем через город.

И что дальше? Ничего дальше не будет и быть не может. Приплыли. Я убил двух неизвестных и офицера милиции. Они меня даже живым брать не будут. Если до захвата кровью не истеку.

Она везла меня домой. И слышать ничего не желала. Дома я ей рассказал всё. Она ничего не говорила, только плакала.

– Иди. Тогда тебя не тронут. Останешься – соучастником станешь. Они будут штурмовать дом. Живым я не дамся.

Она говорила. Плакала и говорила. Она не верила. Да, жизнь не могла быть такой жестокой, но она такой и была.

– Я никуда не пойду. Если они меня приговорили, то не отстанут. Это – первое. А второе – я тебя не оставлю. Я не смогу без тебя. Помнишь – и в горе, и в радости? Пока не разлучит...

– Есть шанс. В связи с последними событиями к тебе будет повышенное внимание, им станет неудобно тебя брать. Иди, у нас сын.

– А ты думал о нём, когда Чечню тут устраивал?

– О нём и думал.

И вдруг с улицы донёсся знакомый голос, усиленный и искажённый мегафоном:

– Сдавайся и отпусти заложника!

– Это же...

– Он самый.

– Какого заложника?

– Тебя. Ты им нужна.

– И ему?

Я пожал плечами. Мир сошёл с ума.

– Почему я?

– Не знаю. Может, он знает?

Она встала.

– Не вставай, они должны были уже снайперов расставить.

– Всё равно, – ответила она. А потом выглянула в окно и крикнула Полкана на переговоры.

Он подошёл к окну, в бронежилете на майку-алкашку и без оружия.

– Отпусти её! – крикнул он.

– Почему именно мы? – крикнул я ему в ответ из-за дивана. Надеюсь, толстый слой диванной набивки удержит пули. – Облегчи душу!

– Ты думаешь, я сейчас всё так вот и расскажу? Это только в кино вот так вот всё рассказывают. Это чтобы зритель понял замысел сценариста. А это не кино, Витя. Это жизнь, а ты – явно заигрался.

Зубы мне заговаривает. Что они там готовят? Газ?

– Живым я не дамся. А не расскажешь, и её шлёпну.

– Врать ты так и не научился, Витя.

– Не будь падлой, ответь – почему мы?

– Так совпало. Так вышло, что...

С грохотом осыпались стёкла в соседних комнатах, по полу покатались, дымя, газовые заряды.

Это конец! Вот так вот глупо и бесполезно! Застрелиться? Нельзя. Я же верующий. В группу захвата стрелять? А они-то при чём? Мужики просто работают. Работа у них такая. Нужная работа. Важная.

А вот ты – предатель!

Пистолет в моей руке не сильно лягнул, во лбу Полкана появилась дырка, и он пропал.

Грохота выстрелов я уже не слышал. Я смотрел только на НЕЁ. Как она рвется в руках СОБРовца, на её лицо, застывшее в крике. А моё тело рвали автоматные пули. Тук-тудук – тудудук.

И снова, здравствуй, Великое Позавчера!

Часть 1

В гостях у сказки

День открытий

Тук-тудук – тудудух.

Это колпарты стучат на стыках. И характерно покачивает. Я в поезде. Я опять жив.

– Ожил? – услышал я голос. Знакомый голос Громозека.

Поворачиваю голову. Один глаз не видит совсем, да и другой подвирает. Точно – Громозека. Лежит на нарах под шерстяным одеялом.

– Ты, ежлан, на кой, ты, на мост побежал?!

Громозека в ярости. Оказалось, он бежал за мной, взрывом его смахнуло с моста, и при падении он повредил спину – ноги отнялись. Беда.

– Остановить хотел, – проблеял я в ответ.

– Нах! Из пулемёта надо было этих уродов.

– Надо было. Не смог.

– Ночью же мог!

– Мог. В горячке боя – мог. А утром – не смог. Это же наши люди. Русские.

– Они не русские. И не люди! Люди в окопах остались. А это – выродки! Падаль! И ты...! – Громозека резко перевернулся на другой бок, лицом к стене, ко мне соответственно – спиной.

Итак, я опять в прошлом. В «учебном» 1942-м. Участвовал в обороне Воронежа. Во главе экспериментального полка, вооруженного экспериментальными самоходными артиллерийскими установками ГАЗ-71. Теми самыми СУ-76. Их сделали на том же Горьковском автогиганте, на базе тех же Т-70, те же конструкторы Астров и Гинзбург. Только на год раньше. Как там говорил конструктор пушки моей самоходки – «повозки для орудия». Это были именно повозки для орудия.

Задумана была система комплекса бронемашин боевых машин пехоты, но, учитывая положение, маловероятно, что будут делать что-то кроме СУ-76.

А мы теперь, скорее всего, в санитарном поезде. Громозека, вон, обиделся. И есть за что. Человеколюбие у меня проснулось не вовремя. Подвёл человека. И сам лежу обгорелым поленом. Руками-ногами не владею.

На меня опять накатывала чернота безнадёги. Тоска смертная. Мне был дан шанс исправить всё. А я не смог. Ни там, в моём времени, ни здесь. Как бы хуже не стало. В истории моей реальности немец в Москву всё же не входил. А тут я сам участвовал в боях на улицах столицы. Хотя я-то к этому каким боком?

Я читал книги про попаданцев. Там герой сразу и резко меняет ход войны. Враг разбит малой кровью. И весь мир стоит на коленях перед красным знаменем. Прогрессорство их виртуозно и величественно. А я? Толку – ноль. Вроде все сделал так же. Своё происхождение раскрыл, о чём сильно жалею, всё, что знал – рассказал под запись. А перелома в войне как не было, так и нет. Ленинград – блокирован, Воронеж – в осаде, враг рвётся на Кавказ и к Сталинграду. Москва – в руинах.

Ну почему я? Почему? За что мне это? За какой грех мне такая мука? Сдохнуть хочу! Нет у меня больше сил!

Но смерти мне Создатель не даёт. А за попытки «уволиться по собственному желанию» карает жесточайшей болью.

Глубоко вздохнув, стал рассказывать Громозеке, его спине, мои злоключения в моём времени, там, в будущем. Которое уже не наступит. С приходом немца в Москву наши реальности окончательно разошлись.

– Вот так вот, брат. Опять у меня ничего не вышло.

Громозека повернулся ко мне, смотрел прямо на меня.

– Я бы сошёл с ума от подобных вывертов судьбы.

– Я и сошёл, брат. Давно уже. Ложки не существует. И тебя нет. И вагона этого нет. А я лежу где-то, умираю, а мозг мой проектирует в сознание эти картинки. Или лежу в психушке и живу в выдуманном мире. И никто его не видит, кроме меня.

– Вздор! Я точно существую!

– Реально то, что осознаёшь. И не реальное, если его осознаёшь – реальнее реального. В том мире, настоящем, я – Никто и звать меня – Никак. А тут я, как во сне – конструктор, полководец, успешен, любим, знаменит. Так не бывает.

– Так есть.

– Да с чего вдруг-то? Что изменилось? Я – тот же. Мир вокруг не стал сказочнее, люди те же скоты. Что изменилось?

– НКВД.

– А они-то с какого бока? Ну, постоянно вы рядом и что?

– То-то и оно, что мы постоянно рядом. С операционного стола. Там врач какой-то тебя «срисовал», вот с той поры ты под крылышком и ходишь. Нос тебе подтираем.

Ага! Натан! Дружбан! Всё-таки друзей он имеет. И «Степанов» званием и опытом своим «крутоват» для горотдела ГБ. Блин! Вот же я долбоёж! Только сейчас допетрил! Меня ведут «за ручку» с первого дня в этом мире. Этим объясняется «дружелюбность» окружения. Такая концентрация «настоящих» людей! И моя «смазанность маслом». Поэтому всё мне так легко даётся? Что за спиной стоит тень НКВД? Да, это многое проясняет. Но не главный вопрос:

– А почему я?

– Так совпало, – ответил Громозека, совсем, как Полкан. – Как я понял, сначала думали, что ты шпион, потом, что из эмигрантов, а потом всё как-то закрутилось. И ты занял в структуре нишу. Стал прок от тебя ощутимый. Так вот как-то.

Совпало. Занял нишу. М-да. Интересный подход к людям. «Кадры решают всё». Вот уж, ни убавить, ни прибавить. Спасибо тебе, товарищ Кремень!

– Что ж за организация у вас такая – НКВД? Даже мне нашли применение.

– Да вот такая. Только тут я тебе не помощник. Разобраться в особенностях нашей организации тебе помогут другие товарищи. Как только смогут.

– Занятые сильно?

– Не без этого. Сам должен понимать.

– Понимаю. Слушай, а тебе ничего не будет за то, что ты мне рассказал.

– Не-е, не будет. Думали, сам додумаешься, а ты всё никак и никак. А сейчас – совсем приуныл. А на мост ты зря побежал.

– Зря.

Я помолчал, а потом стал изливать ему душу. Точнее, выплёскивать черноту своей тоски. Про то, что не вижу прока от моего присутствия тут, про своё желание умереть.

Тут в вагон ввалились остальные наши попутчики – военврач Шахерезада, Прохор, Брасень, принесли Кадета – это они его выгуливать носили. Шумно радовались, что я пришёл в себя, огорчились, что из всех действий мне было доступно только балабольство. Врач и Прохор разводили руками. Тут и выяснилась цель нашего путешествия. Прохор твердил, что с таким случаем, как у меня, справиться только его мать, сам он не может, вот и было принято решение о моей отправке. И судя по открывшейся недавно информации, я уж и боюсь подумать, кто принимает «по мне» решения. Ну, и в нагрузку со мной, для компании, погрузили врача,

Прохора, как единственного проводника к загадочной целительнице, Кадета и Громозеку на излечение, ну и Брасеня на хозчасть. Жаль не успели перехватить Мельника – его уже отправили с другим поездом. Ах, да, на платформе под брезентом стоял «трофейный» заокеанский броневик.

Слава богу, в этот раз я развалился на запчасти без боли. Просто я не чувствовал ничего ниже шеи, и всё.

Утомившись от открывшихся обстоятельств и от всего пережитого, забылся, наконец, сном.

Области Тьмы

По пробуждении я застал скучающего лейтенанта ГБ с блокнотом и карандашом за ухом.

– Готов дать показания, – прокашлявшись, сказал я. Лейтенант улыбнулся.

– Это как вы пожелаете. Меня прислали записать всё, что скажете, а потом отправить записи.

– А тебе допуск дали?

– Да, я прошёл специнструктаж. Вот бумаги.

– Тогда пиши.

Лейтенант несколько часов конспектировал все «потoki моего сознания». Собрав остатки воли в кулак, вспоминал, говорил. Чувствовал, что бесполезно это, но говорил. Делай, что должен... Делаю.

Пересказал свои соображения по поводу моего «детища» – Единорога и комплекса остальных машин. Сильные, слабые стороны, как надо применять, как не надо. Ессено, вид с моей колокольни. Тут же изложил опыт предков по организации самоходных полков из СУ-76, потом наши с начштаба соображения по иной организации подразделений. Используя наш собственный опыт, опыт немцев с их кампфгруппами, опыт обороны Сталинграда, штурмовых групп образца времён взятия Кёнигсберга и Берлина. Особо отметил, что эффективность подобных подразделений напрямую будет зависеть от опыта и личных качеств бойцов и командиров. Поэтому комплектовать их надо из ветеранов, битых, стрелянных, обтертых и обкатанных танками и бомбёжками. Способных на стойкость и инициативность действий в отрыве от своих товарищей. К действиям вне линии фронта, без флангов и тыла, в окружении, в отрыве от командования. К манёврному бою. И назвать их надо как-то иначе, чтобы отличить от линейных частей новобранцев. Так как гвардия уже есть, то предложил их назвать как-нибудь из той же екатерининской эпохи, откуда откопали и гвардию: гренадёры, драгуны, кирасиры, егеря. Не суть как, главное, иначе, чем простые стрелки.

Говорил, говорил, а в голове одна мысль: «Ты кто такой? Что ты тут развыпендривался? Всё это бесполезняк!» Как я там, давно, в прошлой жизни, год назад, планировал? Авторитет, команда, фокус? Фокус – не удался. Команда? Вроде есть. Вот они, рядом. Но из первоначальных – лишь Кадет. И то, благодаря НКВД. Кто ещё, кроме этой всесильной и вездесущей организации, мог распределить Кадета и Мельника после ускоренных курсов комсостава именно ко мне? Тут армия – посылают туда, куда надо, а не туда, куда хочешь. Громозека и пропавший Кот – осназ, опять чекисты, Прохор и Брасень со мной опять же волей Кельша, генерала ГБ, хотя генералами они пока не числятся. Комиссарами от ГБ имеется.

Получается, что чекисты для выполнения моего плана сделали больше, чем я сам.

Авторитет. Тут неоднозначно. Вроде бы все и круто. Я – старший комсостав, конструктор, с самим Сталиным знаком, с Берией перебрёхиваюсь, к моему мнению и моим записям вроде бы прислушиваются, но...

Где зримые изменения? Ничего же я не смог изменить. Ничего похожего на те книги про попаданцев, что попадали в мои руки. Всё вроде по канону – командирская башня, промежуточный патрон, инфа про генералов и Хруща. Только ничего не произошло. Как бы хуже не было. Эхе-хе! Наверно, я не правильный попаданец. Хруща не грохнули – продолжает служить. Наоборот, я явился яблоком раздора меж блоков элит советского истеблишмента. Результат раскола – нападение на базу особой аналитической группы НКВД, в результате пропали Кельш, Кот и один из пришельцев. Потом – попытка захвата меня, после осознания, что я могу тупо погибнуть в бою, обороняя Воронеж. Они что подумали – что Сталин «попользовал» меня и «выкинул», а они решили «подобрать»? А я, в благодарность за избавление от фронта, стану служить? Они же не знали, что фронт для меня – как терновый куст для Братца Кролика.

А что такое раскол элиты во время тотальной войны? Это – полный песец!

И на кой хрен я раскрылся? Воевал бы простым пехотным Ваней, гнул бы историю своими руками, пока не убили. Нет, попрогрессорствовать захотелось, сука! А просрём войну? Не немцам, так всем остальным? Сталин этот разброд и раскол выжжет с корнем, с него станется. А побежит кто из этих отщепенцев к наглам плакаться? И трепанёт им, что Сталин владеет послезнаниями? Наглы и так едва не напали на нас в сороковом, чуть не откусили Кавказ, в Персии экспедиционный корпус держали на предбоевом взводе. Порешат, что советская, сталинская Россия – бóльшая угроза, чем выращенный ими же нацизм, – обрушатся всем миром.

От немцев отбились полным истощением сил, а от всех разом? Не отбиться. А там – что немец, что нагл, что пиндос – все они нацисты. Всегда проводят геноцид. Им – что инков, что ирокезов, что негров, что славян изводить – без разницы. Конец русскому народу, людям Рода!

И всё из-за меня!

Из глаз моих побежали слёзы. Это не осталось незамеченным. Всполошились. Но и докторша, и Прохор развели руками. А я проваливался во Тьму. Лучше бы меня тогда бомбой убило. Или вагоном? Или немец тот дострелил бы меня. Сгореть должен был в танке! А на мосту-то я вообще не должен был выжить! Меня должно было порвать взрывом, прибить элементами конструкций моста, разбить о воду! Должно было! Почему я не умираю-то, твою дивизию?! Иммортал, тварь! Кашей Бессмертный!

Укола я не почувствовал, но введенный препарат погрузил меня в сон.

Когда я проснулся, осознал себя опять в прошлом, в парализованном теле Кузьмина, даже глаза открывать не стал. Жить мне не хотелось, а сдохнуть – не получалось. Полнейшая апатия овладела мной. Часть моего сознания пыталась призвать к долгу: «если не мы, то кто?», «делай, что должен!», но призывы эти не могли меня вытащить из Тьмы. «На хрена козе баян?» Без моих трепыханий предки лучше справились. Лучше бы меня не было. И Тебя не было, с Твоим Испытанием!

Откуда-то издалека, как сквозь ватный матрац, доносились голоса моих спутников. Мое сознание, та его часть, что взывала к долгу, зацепилось за эти голоса, сосредоточилось на них. Я стал разбирать слова.

Вслух зачитывали газету. А чем ещё может быть такая форма изложения текста? Читали про героев-лётчиков, что спасли нас тогда, под Воронежем. А потом стали читать про полк чудо-богатырей под командованием героического майора Медведя. Я долго-долго слушал, думая, что афтар – молодец. Язык – корявый, пропагандистский, суконный, но дело он делает правильное. Примеры героизма одних служат примером для подражания другим. Так и надо. А нет героев – их надо выдумать. Как сделал Жуков, приукрасив историю с разездом Дубосеково, создав мем «28 панфиловцев».

И только потом до меня дошло, что майор Медведь – это я, а чудо-богатыри – мои бойцы. Прямо аж гордо стало за своих людей.

Я вспомнил того репортёра, которого взял в оборот ещё после первого же боя на земле Воронцов. Оказался он корреспондентом «Красной Звезды», а подборку его очерков сейчас и зачитывал дикторским голосом лейтенант ГБ.

Вот она – Слава! Я попал на первые страницы таблоидов. Я – Звезда! Как Зверев. «Звезда в шоке». Звезда в «Красной Звезде». В красной ...зде! Гля!

Я хотел выругаться вслух, но губы мои опять склеились, как у Нео в «Матрице», смог только промычать. Что-то холодное и мокрое прошлось по губам, раскрывая мне рот наконец. Тут же мою голову приподняли, к губам приставили горлышко фляги. Я напился.

– И чего так раструбили? – заявил я. – Воевали мы так себе. Полк – разбит, немец – не остановлен.

Лейтенант ГБ кашлянул от неожиданности:

– Вы, Виктор Иванович, максималист, оказывается. Но, командование довольно высоко оценило ваши действия.

– Вот это-то и хреново! Это значит, что моё командирование – посредственное довольно, если честно, на уровне ротного. А у остальных командиров – вообще нулевое! Вот что хреново! И как мы будем немца одолевать?

– Поправляться вам надо быстрее, товарищ майор, и немца одолевать.

– Нет у меня больше сил! – в сердцах закричал я, чувствуя, как опять по вискам пролегли мокрые дорожки. Баба, разревелся!

– Что бы я ни делал – только хуже получается. Тут как бы наши отступники к наглам не побежали. Порешит Черчилль, что Сталин хуже, чем Гитлер, что будем делать?

Все притихли. Лейтенант ГБ опять прочистил горло, попросил освободить вагон, благо мы стояли на запасном пути, а потом доложил:

– Мне велено довести до вашего сведения, что ваш недавний командир успешно провёл свою часть операции внедрения. Раскола больше нет. Партия вновь едина. Правда, пришлось ликвидировать часть агентурной сети наших союзников. И довольно много наших предателей. Союзники будут очень недовольны. Но ваши опасения, надеюсь, будут необоснованны.

Больше он ничего сказать не мог. Потому что ничего больше не знал.

Аж от сердца отлегло. Ну, Кельш, ну, молодец! Такой нарыв был купирован! Интересно, чего ему это стоило? Зная наших волчар, уверен – дорого.

Дорожные байки

А жизнь-то налаживается! Часть моего сознания, та, что «долговая», возобладала, в эйфории, моим мозгом, затоптав депрессивную часть, и я смог вздохнуть свободнее. Смог наконец решить, что «всё в руках Его».

Надиктовал лейтенанту ГБ свои соображения про установку 160-миллиметрового миномёта на шасси Единорога.

– Не знал, что есть такие, – пожал плечами лейтенант, но прилежно всё законспектировал.

– Сейчас должны проходить испытания или уже прошли, не суть. Так о чем я? А, вот! Два образца. Один не примут – тяжелый лафет. А второй будет очень удачен. А если ставить на Единорог, без лафета, то оба – годятся. И очень мощная штуковина получится. Лёгкая самоходка, недорогая, с мощностью и дальностью тяжёлой шестидюймовки. Батарея таких миномётов существенно, а главное, качественно, усилит тот же полк самоходов. Или танковую бригаду. Это из того, что есть. А ведь можно сделать и 240-миллиметровый миномет. Вес миномёта просто несравним с весом гаубицы, а фугасное воздействие сопоставимо с орудием такого же калибра. Ну, плюс-минус. Такая машина и с долговременной обороной справится. И бронетехника будет ей по зубам. А стоимость – несравнима. Ты уже написал про наш опыт с 120-миллиметровым минометом?

– Да. Ещё прошлый раз.

– А, и ещё. Такой крупный калибр позволит эффективно использовать не только осколочно-фугасные гранаты, но и качественный дым поставить. А если зажигательные заряды какие примастырить? Или вакуумные.

– Вакуумные? Это как?

Я вздохнул глубоко. Как же я забыл? Какой я, на хрен, прогрессор?!

– Вообще-то, называть их вакуумными – неграмотно. Но деза будет – умора. Этот тип боеприпаса называется термобарический и использует принцип объёмного взрыва. Не слышал про взрыв рудного газа? Или как мучная пыль взрывается? Любая горючая взвесь в виде аэрозоля?

– Слышал.

– Вот и пиши. Но сначала особо пометь, что технология очень проста для копирования и применять её надо массово с надлежащим информационным прикрытием. Поехали!..

Я «растекался мыслью по древу», лейтенант конспектировал.

А связка наших вагонов тем временем неспешно продвигалась в тыл. Больше, конечно, стояли, чем ехали. Нас цепляли то к одному составу, то к другому. По ночам всё время стояли, пропуская составы к фронту. То есть ночью железная дорога гнала составы на запад, днём – на восток.

Понятно, что народ основательно выспался сначала, а потом-то стал страдать от скуки. И если сначала гэбист выгонял всех на платформу во время «интервью», то потом пошёл на должностное преступление и махнул рукой, напрасно на «слово» поверив, что «ни в жисть!». Потому мои спутники, развесив уши, жадно слушали мои «потoki сознания». Но напрасно мы волновались. Это только поначалу они слушали, а потом им надоело и они стали нам мешать – бубнили, травя байки друг другу, играя в карты, ржали, как лошади.

– Виктор Иванович, расскажи про Голума, – попросил Миша Кадет.

Я насторожился:

– Ты охренел? Это сверхсекретная информация!

Брасень заржал:

– Да я уже столько секретов узнал, что сам себе язык хочу отхреначить, во избежание, так сказать!

Поржали, лошади.

– Да я про Голума и Кольцо. Там ещё Всевидящий Глаз.

– Око. Всевидящее Око Саурана. А что? Лейтенант, ты не против?

– Нет. Тем более, что мы по второму кругу обмусоливаем одно и то же.

И я им стал рассказывать сказки. Про Братство Кольца, эльфов и орков, благо, не только смотрел фильмы, но и книги про Властелина Колец читал. Потом была очередь вселенной «Звездных войн».

К моему удивлению, лейтенант конспектировал сказки на бланках. На таких же, на которых писал мои «показания». Чудно. Что, Берия тоже сказки любит?

Какими бы объемными не казались эпосы этих величайших мифов, но и они закончились. Тогда я стал им бессистемно пересказывать запомнившиеся сюжеты из других книг или фильмов. Тут только была одна заминка. Намного больше и дольше приходилось им объяснять непонятные явления, для меня априори – само собой разумеющиеся, а им не понятные. То же с вещами и предметами, ещё не существующими, не осмысленными. То же и с сюжетными линиями. Действия героев моим друзьям не всегда были ясны и понятны. Они просили объяснить. И оказалось, что это не всегда просто. Иногда и я признавал, что авторы «накосячили». Не мог чего-то объяснить. Так это превратилось в этакую интеллектуальную игру – я рассказываю, потом дружно ищем «косяки» и пытаемся все вместе их «расшить».

Ну, как, скажите, объяснить бывалым фронтовикам возможность существования подполья во вселенной Терминатора? Того подполья, что в будущем. Бойцы ВОВ быстро поняли и прониклись возможностями роботов будущего, с моих слов, эссено, но тут выплыл «косяк» – подполье если и могло существовать в том будущем, то явно не в том виде, как оно показано в «Терминаторе».

Честно говоря, Властелин Колец их не шибко заинтересовал, а вот высокотехнологичная фантастика – очень и очень. Я сначала подзавис, а потом вспомнил, что там, на острове в болоте, ничего, кроме саги о Кольце, и не рассказывал. Так что, Братство Кольца стремительно отступило в тень на фоне разбора технических характеристик ещё не существующих гаджетов.

Кто бы мог подумать, что гэбисты, врач, боец, экстрасенс и вор будут так увлечены разбором устройства ионного двигателя, лазерного и плазматического оружия. Причём лейтенант ГБ, забыв о своей сверхважности, как мальчишка спорил, убеждая, что световой меч джедая – невозможен. Что нельзя ни ограничить, ни заиклить световой поток. «Фотон существует, пока движется». Когда я впервые услышал от него подобное, подзавис – ни фига себе, какие познания! Так, что моё «родное и горячо любимое» НКВД подсунуло мне очередного уника. Вот тебе и «кровавая гебня». Питсьот мультёнов невинно убиенны!

Жажда технического прогресса была очень сильна в этом поколении людей. Это в наше время жажда эта отмерла. И научно-технический прогресс умер. Устали от прогресса или что-то ещё? А может НТП убили? За время моей жизни не появилось ни одного изобретения, переворачивающего мир. Только доводили до предела уже изобретённое дедами и отцами. А может, просто прогресс достиг критической массы? И количество должно было перейти в качество? А какое качество должно было родиться? Знать бы! А если пойти от обратного? За какое качество было убито познавательное, оставив лишь видимость науки?

Чего могли бояться «властелины планеты»? Утери власти! Чего им ещё бояться? Остальное они купят. А как НТП мог отобрать у них власть? НТП не мог. А вот люди могли перестать быть стадом зомбированных баранов. Могли? И становились людьми. Массово. И эти массы в данный момент как раз режутся руками немцев. И поэтому пошла волна наркоты, охватывающая как раз университетские камбузы в первую очередь. Ведь в наркоте самое страшное не смерть от передоза, не зависимость, а изменения в сознании – потеря реальности. Потеря критического взгляда, логического мышления, взвешенности.

Нарики = зомби. Только зомби можно убедить, что гомосексуализм – это достижение человечества, а освоение космоса – пустая трата денег. Только зомби могут поверить, что женщина и мужчина равны. Только почему-то в спорте они разделены. Только зомби могут поверить, что чернокожая обезьяна-педик может быть главой крупнейшей страны мира. И что, посадив за штурвал самолёта обезьяну, они долетят куда-то, кроме ближайшей скалы.

Где победила сексуальная революция? Там, где легализовали наркоту. И что стало с этими народами? Они вымирают. Их ждёт судьба филистимлян, финикийцев, латинов, эллинов. Только историки знают, что они были. С их уникальной культурой, языком, мироустройством. А потом – появляются проповедники «свободы», «равенства», «свободной любви». И всё – мир свободен от этих народов. Их земли заселили другие народы. Более приверженные традиционным ценностям. До аскетизма приверженные.

Разве современные греки похожи на кудрявистых блондинов – Геркулеса, Ахиллеса, Александра Македонского? Хоть на кого-нибудь из гомеровского эпоса? Ни внешне, ни морально. Разве современные итальянцы похожи на блондина Цезаря, Помпея? Хоть на кого-то с их же итальянских барельефов? Кто из арабов, населяющих Египет, похож на Рамзеса? А у нас очень многие похожи и на Святослава, и на Илью Муромца, и на Чингизхана. Тоже, кстати, русоволосый и голубоглазый. Ариец. Как Штирлиц. Много современных французов похожи на деву Жанну?

Вот тебе и «свобода». Свобода от идентичности, от наследственности, свобода от права голоса и права выбора. Свобода от Родины и потомства. Свобода от любви. Вместо любви – половое сношение. И свобода от выбора – с кем сношаться. Свобода от прошлого. И значит, от будущего. Свобода от чувств, лишь эмоции. Свобода от Совести и Бога. Свобода от осознания пути обретения совершенства. И от самого Пути. Свобода от Жизни.

Нет осознания своего божественного происхождения – нет жажды совершенствования. Нет интереса к науке. Нет НТП. В наличии лишь потребительство и комформизм. Так, и свиньям он свойствен, комформизм. А вот жажду познания испытывает лишь Человек. Человек, утративший жажду самосовершенствования, – не Человек. И он не опасен. Он управляет. Познавая мир вокруг себя, познаёшь Бога. Познание порождает НТП. НТП ускоряет зарождение Мыслителей. Мыслители не управляемы ложью. Критическая масса мыслителей может оставить Сауранов без власти. Потому – нет науке, нет мышлению, а наркотикам, извращению, лжи, порокам, пропаганде – да, да, да!

И нет на этих Суранов, теневых властителей управы. Нет. И сие меня изрядно вгоняло в тоску. Хоть вой. Хоть плачь. А лучше – петь. Потому – пел. Чаше пели хором, так как мои друзья уже хорошо знали мой репертуар. А иногда – новое, что всплыло из памяти ввиду последних обстоятельств и навеяло душевными терзаниями:

Жизнь и смерть во мне объявили мне:
«Жизнь – игра, у тебя нет масти,
Смерть к тебе не питает страсти!
Жизнь тебя проиграла стуже и смерти ты не нужен!»

Жизнь и смерть во мне объявили мне:
«Будешь жить не кидая тени,
Обладая горячим телом,
Обжигая холодным взглядом – станешь ядом!»

Я так не могу жить, тени дарить.
Понять не успеваю.
Я – жизнь, я – смерть.

Там так все уже знают.

Жизнь и смерть во мне объявили мне:

«Так и будешь идти по краю

Между адом земным и раем,

Между теми, кто жил, кто сниться, путать лица...»

Однажды я спросил гэбиста:

– Тебе не влетит, что ты сказки пишешь на гербовой бумаге?

– Да вы что? В этих «сказках» миллионы человеко-часов размышлений и готовые теоретические выкладки. Развитие радиотехники, электроники, машиностроения, социальные эксперименты... Миллионы человеко-часов!

В этот момент я подвис опять.

– Слушай, а кто у тебя папа?

– Профессор, – усмехнулся лейтенант, – и мама – профессор. Отец – физик, мама – филолог.

– А ты – гэбэ?

– Ну, да, – удивился лейтенант, – а что такого? А, понял, меня инструктировали об отношении потомков к нам. Так, для меня и моей семьи – честь, что меня пригласили в госбезопасность. Отец – коммунист с девятьсот первого года.

– Не «зачистили»?

Парень попритух:

– Был донос. Отца арестовывали. Тяжело было. Но отец велел нам не верить. И разобрались ведь. Оправдали. Правда, на старое место службы он не вернулся. Тут как раз и его отпустили, и война началась. Он ночь дома переночевал, а утром убыл к новому месту службы. Засекреченное. Ни приветов, ни ответов. Так что, может быть, мои записи прямо в его руки и попадут. Это его бы заинтересовало.

Он помолчал, потом усмехнулся:

– Вы, Виктор Иванович, не обижайтесь, но мама бы заставила вас покраснеть с этими вашими «переводами с русского на русский».

– Верю, лейтенант, верю. Я же не утверждаю, что это – истина в последней инстанции. Но видел бы ты глаза бойцов, когда им рассказываю подобные «байки». Знаешь, осознание, что ты часть очень-очень древнего народа, ведущего своё начало от самого Рода, что ты не должен посрамить своих предков, что ты не можешь отступить, когда тысячи поколений не отступали, это основательно поворачивает мозги. А уж осознание, что ты не обезьяна, а потомок Бога – так основательно подстёгивает мораль! Ведь то, что можно скотине, потомку Рода – не пристало. Что можно быку, того нельзя Юпитеру.

– Да, верно, – задумчиво ответил лейтенант, – с подобной точки зрения я никогда не смотрел на это.

– А должен был. У тебя не только академическое образование, но и капитанское звание. А это значит, что ты в любой момент можешь получить роту или батальон и должен их поднять на пулемёты. Должен! А как – думал?

Лейтенант промолчал.

– Кому многое дано – с того многое спросится, лейтенант. Тебе дано многое. Будь готов к отдаче.

А немного погодя, я добавил:

– Я не знаю, как там было в прошлом. Да мне и насрать. Но образ прошлого – сильнейший рычаг влияния на настоящее. И ещё сильнее этот рычаг влияет на будущее. Помнишь – народ, не помнящий своего прошлого, не имеет будущего. И иногда, если нет прошлого – его

выдумывают. Так сделали наглы, немцы, итальянцы, так сделают пендосы и китаёзы. Последнее вообще убедят весь мир, что они – древнейшие. Всё-всё придумали они. И бумагу, и порох, и архитектуру, и военное искусство, всё-всё. И как спросят со всего мира авторские!

И сам же заржал.

– А нам и придумывать ничего не надо. Только акценты и ударения расставить – и вуаля – готово!

– Вы очень интересный человек, Виктор Иванович, – сказал лейтенант.

– А вот и нет, – мне сразу стало грустно, из возвышенности эйфории я резко ухнул в пучину отчаяния, – я тебе расскажу, какой я человек. Пиши. На гербовой пиши, пусть Палыч почитает. Может, хоть он разберётся, что за ХРЕНЬ СО МНОЙ ПРОИСХОДИТ!

Окончание фразы я проорал во всю громкость, на которую было способно моё истерзанное бессмертием тело.

– Пиши: «Вот, блин, жара!...»

Домик в деревне

Какой бы дальней ни была дорога, но любая, рано или поздно, заканчивается. Так и наше путешествие по железной дороге закончилось.

Меня вынесли из вагона-теплушки и повесили в чреве БТРа рядом с Громозекой. Он тоже был парализован, но ниже пояса, этим активно пользовался, озираясь вокруг и комментируя всё происходящее по моей просьбе, утоляя мой сенсорный голод.

За управление БТРом сел водитель, знакомый с подобной техникой, двое суток уже ждавший нас на этом разъезде. Ждал он не один, а в компании группы бойцов осназа, которые глотали пыль в тентованном ЗиСе позади нас.

Больше комментировать было нечего. Эх, дороги, пыль да туман! Правда, тумана не было. Небо было бездонно-голубым. Было жарко. И трясло немилосердно. Хорошо, что боли не было. Но тошнило очень сильно. Терпеть можно, но зачем? Попросил волшебный укольчик – и нет скучной, пыльной, жаркой дороги, душного чрева БТРа, а есть здоровый медикаментозный сон.

Проснулся я сразу и вдруг. Всё то же – духота, жара, раскалённая броня, но нет рёва мотора, лязга гусениц и тряски. Зато много гомона.

– Отставить бардак! – скомандовал я. – Доложить!

– Товарищ майор, двигатель заглох, машина сопровождения пропала. И из нашей машины пропали два человека, – доложил лейтенант ГБ, как самый старший после меня (доктор не считается).

– Это как – пропали? Вы что, спали, что ли, все?

– Нет, я не спал. Пропали сразу и вдруг. Водила был вот он – и вдруг – нет его. Полностью.

– Полностью? Сразу и вдруг? А второй кто?

– Брасеня нет, – ответил Кадет, – флагу он держал, колпачок закручивал. Я попил, ему отдал – раз – и нет его, как и не было.

Чертовщина какая-то. Как в сказке, чем дальше, тем страшнее. Так, подожди, со мной же есть ещё один, кроме меня, персонаж из разряда «не может этого быть, потому что не может быть никогда». Я – путешественник по времени, Прохор – экстрасенс-целитель, едем мы к нему на родину, к матери – сильнейшему магу, если верить словам Прохора.

– Прохор?

– Тут я, командир.

– Чё происходит? Это же твоя земля?

– Чур мы проехали. Тут бывает так. Обратно поедem, подберём.

– Чё? – искренне не понял я.

Но Прохор не ответил, а воскликнул:

– А вот и матушка! Встречать вышла.

– Ну, так поехали, чего ждать!

С этим вышла заминка. Все, кто мог управлять этим пепелацем, были недееспособны. А дееспособные – не смогли. Лейтенант тыркался, мыкался, наконец, завел заокеанский бронесарай, который потом дёргался, глох.

Только через час мы неспешно покатали на одной передаче. Лейтенант ругался витиевато, но не матерно – «твою пробирку в автоклав на третий режим выжимки!» – и не желал даже пытаться переключить на повышение. Я не выдержал и добавил каноническое:

– Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Но это мне – смешно. А остальным – просто фраза, не несущая привычного мне шлейфа смысловой нагрузки.

Матушка Прохора, Дарья Алексеевна, оказалась очень отчаянной и ловкой амазонкой – не побоялась и смогла на ходу забраться в наш пепелац, сразу молча стала всех осматривать и ощупывать. А я осматривал её, жалея, что не могу ощупать. А что? Откуда мне было знать, что мама у Прохора такая сказочная красавица? Как в русских сказках принято – правильные черты загорелого лица, пронзительно чистые глаза-изумруды, толстенный канат русой косы свесился через плечо, выцветшая на солнце прядь на лбу, выпавшая из-под платка. Чёрные, не выгоревшие, брови и ресницы, длинные, как опахала. Круть невероятнейшая! И, о да, два высоких кургана, поднимающие сарафан на груди! Блин! Да что со мной?

– Что с тобой? – спросила она меня, накрывая мне лоб ладонью. Совсем не сказочной, крестьянской, сухой и крепкой.

– Давненько я не ощущал подобной красоты!

Она улыбнулась мне. И как она может быть матерью такого лоса, как Прохор? Она же совсем молода!

– Всё, воин, отдыхай! Всё худшее уже позади, – сказала она мне.

Я хотел ей возразить, хотел ещё попялиться, совсем по-ребячьи, на неё, но глаза мои сами закрылись, а сознание стало тонуть в облаке сна.

– Проснись, воин, проснись!

Опять этот мелодичный, ласковый голос. Нет! Какой – проснись? Я во сне такую красавицу видел! Как из сказки. Дарья-искусница. А почему – искусница? В каком смысле? Она мастерица в ремесле или вызывать искушение?

Снова этот мелодичный смех. Вот бы его на рингтон телефона поставить или на будильник.

– И в том, и в том мастерица, – меж тем ответил ласковый голос.

Я открыл глаза. А сон – не кончился. Обернулся кошмаром – хуже не придумаешь. И красота неопишуемая передо мной вырезом сарафана наклонилась, а я от шеи парализован – ПРИКИНЬ?! Как там говорил Кузя: «Потеря потерь?» Вот уж точно! Видит око, да зуб неймёт.

– Раз душа трепещет – значит, жива. А душа жива – тело оживёт! – заявила мне Дарья и поцеловала меня в лоб. В лоб! Как ребёнка!

Она опять рассмеялась.

– Просыпайся. Сил наберись. Буду тебя править. Это больно. И весьма. Но ты мне нужен в ясной памяти.

Я вздохнул:

– И снова в бой? Покой нам только снится. Вся моя жизнь – боль. Потерплю. Твоя красота даёт мне силу. Что ж Прохор молчал, что у него мамой такая прелестница?

– Ты не спрашивал, – пробасил голос Прохора сбоку, а потом обратился к матери: – Готово.

– Бери его, сынок, неси в жар.

Прохор поднял меня на руки, как ребёнка, будто и не было во мне 180 сантиметров, с лишком, роста и веса, близкого к центнеру. Так же легко понёс. А я напрасно старался глазами поймать силуэт его матери.

Прохор вынес меня на улицу, точнее во двор, заполненный полузабытыми звуками и запахами деревни. Я глубоко втянул носом воздух.

– Хорошо-то как! Как в детстве.

– Так ты тоже деревенский, командир? – удивился Прохор.

– Деревенский, Прохор, деревенский. Давно это было. Несколько жизней назад.

Он меня занёс в помещение предбанника, положил на лавку, стал раздевать.

– Понятно. Чистота – залог здоровья, – ляпнул я. – В здоровом теле – здоровый дух.

– Да, дух. Душа у тебя болит, командир. А душу я не умею лечить.

– Никто не умеет, – ответил я ему. – Спасение утопающих – дело рук самих утопающих.

Прохор внёс меня в парилку, положил на полку, облил водой, стал мыть. Жара парилки я почти не чувствовал – он часто поливал мне голову холодной водой, а остальное тело было онемевшим.

– Всё, Виктор Иванович, я своё закончил, сейчас силы тебе поддам, остальное – не мой удел.

Он завис надо мной, я видел, что он положил руки мне на грудь, зажмурился, но я не ощутил изменений. Прохор тяжело выдохнул, как человек, закончивший тяжёлую работу, и вышел.

Я лежал и ждал. Скрипнула дверь.

– Как ты? – спросила меня Дарья Алексеевна.

– Как в сказке – чем дальше, тем страшнее.

– Ничего не бойся – сказала она, и её рука накрыла мне лоб и глаза.

– Давно уже ничего не боюсь, – ответил я.

– Как интересно!

– Да, как-то перегорело.

– Ты же не отсюда? Ты же пришлый?

Я аж задохнулся.

– В смысле?

– Ты из другого мира. Надо батюшке сказать.

– У тебя отец жив? Прохора дед?

Но Дарья Алексеевна не ответила. Вместо этого она сунула мне в рот какую-то деревяшку и начала меня «ломать». Это я ещё мало что чувствовал – парализовано же тело. И то от боли тошнило. Боль была такая, будто она руками прорывала мою плоть, копалась руками прямо в теле, ломала кости, переставляла их.

Не долго я вытерпел. Орать начал как резаный. Я и так мало что видел сожженными глазами, а тут их окончательно залили слёзы и багровый туман боли.

– Потерпи, родненький, потерпи! – шептала Дарья Алексеевна.

А куда мне деваться? Судьба, видно, такая. Судьба терпицы. А потом ещё и стыдно стало – от боли остыдобился. Не почувствовал это, по запаху догадался. Блин, с младенчества не было такого. Сквозь землю провалиться!

Сколько продолжалась моя пытка – я не знаю. Учитывая изменчивость восприятия времени в таком состоянии, в каком пребывал я. И минута такой пытки казалась вечностью.

Но ведь не только хорошее заканчивается, а и плохое. Моя мучительница захрипела, как загнанная лошадь, рухнула на меня. Тут же скрипнула дверь, свет от окошка перекрыла большая тень, руки Прохора подхватили обессиленную «мучительницу», унесли. Через минуту он вернулся, спросил:

– Живой?

– Не дождёшься! – зло прохрипел я. Да, я был зол. На него, на его мать. За эту боль, за свой стыд, за судьбу терпицы. Я был несправедлив, это ясно. Но не в тот момент.

К чести юноши, он не обратил внимания на тот поток грязной ругани, что обрушился на него из моих уст. Он, молча, как бесчувственный робот, обмыл меня, завернул в штопаную и застиранную, но чистую простынь, понёс на воздух, обняв меня, как ребёнка. И, как ребёнок, я разревелся на его груди.

Стыдоба! И это называется «боевой командир». И не просто взводный какой, а комполка! Позор на мою седую голову! И как мне смотреть теперь в глаза моим подчинённым?

Понимаете, что произошло? Часть меня ревела на груди у подростка-великана, а часть – холодно, совершенно без эмоций, смотрела на это со стороны, упрекая. Это называется –

расслоение личности, шизофрения. Мой двойник, Голум, болел именно этим. А теперь – и я тоже. Скоро начнут мне видеться орки, эльфы, ангелы и демоны, эгрегоры и Ктулху.

Проход не донёс меня до дома (хотя там всего три метра), а я уже спал. Холодная, расчётливо-калькуляторная часть меня с лёгким удивлением констатировала это, потом с не меньшим удивлением констатировала собственное «выключение». Последней мыслью было – «а они связаны остались».

Разговоры по душам. Какая душа, такие и разговоры

Разбудили меня петухи. Я был им рад. С детства не просыпался «по петухам». Ностальгия – приятное чувство. Ещё меня радовало отсутствие «калькулятора» в моей башке. Но печаливало отсутствие зрительного способа получения информации по причине повязки на глазах.

– Так надо, – услышал я голос докторши. – Дарья Алексеевна не велела повязку снимать.

Ну, «не велела», так «не велела».

– Как вы себя чувствуете? – спросила меня докторша.

– Никак, – прохрипел я. Вчера, в крике, я сорвал голос. – Ничего не чувствую. Совсем. Как нет меня. А, вот это чувствую. У тебя очень нежные руки.

Её рука погладила меня по щеке, вытерев дорожку слезы. Опять я в слезах!

Так, майор Кузмин! Отставить сопли!

Потом она кормила меня, пыталась меня расшевелить беседой, но я был «не в духе». Хотя её болтовня была мне нужна. Как бальзам на душу. Её разговор напоминал мне, что я ещё жив. Она мне рассказывала свою жизнь. Буквально изливала душу. Зачем? Не понятно. Понятно, что хочется выговориться, но мы же не случайные попутчики, которым и принято «изливаться». Ладно, хочешь «поплакаться в жилетку», буду я твоей жилеткой.

Так я узнал о её детстве и отрочестве. Об учёбе, историю их отношений с её мужем. Выслушал из первоисточника о событиях 22 июня на погранзаставе. Когда она рассказывала, как руками раскапывала воронку, когда искала останки своих детей, я плакал вместе с ней. Она схоронила останки детей и мужа в одной воронке. Хотела застрелиться, но пистолет мужа был разбит, а свой она потеряла при налёте. А потом жажда мести застила её.

Выслушал об их бесславном отступлении с остатками заставы. Почему бесславном? Потому, что выжившие пограничники были настолько деморализованы, что шарахались от любой тени, не то что оказывать организованное сопротивление. Что просто выбешивало Шахерезаду. А я их понимал. На тот момент это было обычным явлением. В плен не сдались – и то молодцы.

Потом она рассказывала, как наталкивались на других окруженцев. На всяких разных. О некоторых и вспоминать не хочется. И это понятно. Сам о скольких таких стараюсь забыть? О скольких не буду даже в мемуарах вспоминать, чтоб бумагу не портить.

И вот однажды их «мобилизовал» комиссар одного из разбитых полков. Он организовал партизанский отряд (к радости моей собеседницы). В меру сил своих и разумения командовал. Получилось не очень. Всё же опыта партизанской войны у них не было. На своих ошибках и учились. А ошибки оборачивались кровью. И потерями. Но им удалось установить канал устойчивой связи с «Большой Землёй». И немного погодя после этого их отряд немцы и накрыли. Прямо при приёме самолёта. Моя собеседница была ранена в этом бою осколком мины в живот, и её тут же запихнули в улетающий самолёт.

Так она оказалась в госпитале на грани жизни и смерти, длительное лечение и приговор – никогда и никаких детей.

Потом долгие и отчаянные попытки восстановиться в армии. Триумф – её вернули в строй! И новое назначение – ко мне. Специнструктаж и строго-строго приказ – мою жизнь беречь, как зеницу ока. Причём приказ от таких командиров, которым не отказывают. Помнится, она что-то прошлый раз про Меркулова говорила. Хотя в армии ни от каких приказов не откажешься.

Вот такая её исповедь.

– Ты выполнила приказ – я жив. Пока жив.

– Не в приказе дело, – вздохнула она. – А почему ты тогда так странно реагировал на меня?

– Как – странно?

– Как будто давно меня знаешь, но никак не ожидал меня там увидеть.

– Так и есть, – ответил я. Она ждала продолжения, но что я ей скажу? Что она – точная копия моей жены? Так, по личному делу я – холост. Легенда, ёпти! Сказать правду – глупо, врать не хотелось:

– Ты была моей возлюбленной, моей женой в прошлой жизни.

– Ты помнишь свою прошлую жизнь?

– Хотел бы забыть.

– А, я поняла – опять врёшь.

Ну вот – сказал правду – не поверила. Лучше бы соврал. А, пошло оно всё!

– Думай, что хочешь. Я тебе сказал, а там уж – как тебе захочется.

– А я, дура, ему тут душу изливаю!

– Я тебя не просил! – ответил я. Жестоко? Жестоко. И ещё добил: – Мне в своих запутках не разобраться, да ещё ты.

– Да пошёл ты!.. – воскликнула она, я услышал лёгкий топот её ног по доскам пола, хлопнула дверь.

– Семейная сора? – спросил через минуту голос Дарьи.

– Чё? Не, мы не семья, – ответил я, не понимая, как она оказалась рядом так бесшумно.

Слегка стукнули друг о друга ставни, ладонь Дарьи легла мне на лоб. Ага, так я у окна лежал?!

– Сам сказал – она жена тебе.

– Так это там. И там – другая. А эта – только внешне похожа.

– Ну, тебе виднее. Но я видела – судьбы ваши связаны. Это называется браком. Она тебя любит. Или полюбит.

– А я? – усмехнулся я.

– Ты? От тебя и зависит. Не тяни только.

– Почему?

– Тяжкие испытания тебе предстоят.

– Кто б сомневался?! Судьба! Так и буду ходить по краю меж адом земным и раем, – усмехнулся я.

– Все тебя похоронят.

– И это было. Но, я выживаю. Иммортал, гля! Жизнь – игра, у меня нет масти, смерть ко мне не питает страсти. Жизнь меня проиграла стуже, и смерти я не нужен.

– А каково ей будет, думал?

– Нет. С чего вдруг? Нет! Не хочу больше! Все кто был близок – мертвы! Я – причина и источник опасности для близких! Тогда зачем мне близкие? Лучше не сближаться, но и не терять! Обжигая холодным взглядом, стал я ядом.

– Сам себя не обманешь!

– Ты чё пристала, ведьма? А? Ты что, психоаналитик мне? Чё тебе надо? Можешь вылечить – лечи! Нет – отвали! Застрелюсь, на хрен! Как же мне всё это надоело! «Судьба», гля! На хрен! Всех! Всё! Всё и всех! Вся жизнь – говно и солнце – долбаный фонарь! Провались всё пропадом!

Но провалился я. Дарья легонько хлопнула меня по лбу, как нашкодившего ребёнка, и я провалился в сон.

Народная медицина

Разбудили меня вечером. Прохор молча взял меня на руки, молча потащил в баню, молча раздевал-мыл-парил. Обиделись? Пох! Мне и самому не хотелось разговаривать. Не о чем.

Потом опять пришла Дарья. Только в этот раз она меня не «ломала». Она пела довольно мелодичные песни на незнакомом языке, похожем разом и на хохляцкий, и староцерковный. Может, не песни, а молитвы? Может. Вполне. Она мазала меня чем-то душисто-вонючим, растирала, втирала. Мяла меня. Массаж. И всё это под эти напевы. Пусть. Даже приятно. Не ломает. Особенно приятно, что не ломает.

Единственное – спать не давала. А от кайфа да под эти напевы дремота наваливалась, хоть и только разбудили. Как только засыпал, она тотчас же говорила:

– Не спи.

Да так говорила, что сон пропадал. Не надолго только.

Потом она завернула меня во что-то, предположительно в те же простыни, и Прохор отнёс меня в дом. Где меня опять усыпили.

Разбудили меня петухи. Я был им рад. С детства не просыпался «по петухам». Ностальгия – приятное чувство. Ещё меня радовало отсутствие «калькулятора» в моей башке. Но опечаливало отсутствие зрительного канала по причине повязки на глазах.

В этот раз рядом со мной никого не было. Пусть! Мне и так хорошо. Лежал, слушал деревенскую жизнь. Она всегда полна звуков. Кто говорит, что в деревне тихо, не умеет слушать. Я на звук определил и пересчитал поголовье крупного и мелкого рогатого скота, птицы. Не только в этом подворье, но и у соседей – стадо на пастбище как раз гнали. Небольшое, кстати стадо. Из чего я сделал вывод, что и деревня небольшая. Скорее, хутор. Дворов пять-семь. До десятка, в общем.

Ветер, дунув в открытое окно, донёс до меня запах свежескошенного сена, среди других сельских запахов. Мне даже послышался звенящий свист косы, срезающей травостой. И так мне захотелось самому взять в руки косу и пройти с ней по лугу, укладывая траву в валок, что плечи заломило.

Плечи заломило?! Я вздрогнул всем телом. Всем! Телом! Хоть и был я парализован всего ничего, но осознание безнадеги и необратимости поражения спинного мозга так прочно засело в башке, что казалось, что это – навсегда. Я ехал к мифической знахарке Дарье Алексеевне, но так и не верил, что ей удастся поставить меня на ноги.

Ноги! Я их чувствовал. Слабо, так, будто они обе отсижены, но чувствовал. Пальцы на ногах со скрежетом скребли по простыне (ногти-то подстригать пора!).

Я заорал от восторга! Орал и орал. Не слыша за своим визгом, как с грохотом ко мне из разных концов подворья ломились все, кто мог ходить.

– Я чувствую ноги! – заорал я, когда они с тревогой заинтересовались причиной тревожной побудки.

– Тоже мне новость! – пробасил Громозека и протопал – протопал?! – к выходу.

– Всё нормально, командир, поправляйся, – сказал голос Кадета и тоже протопал к дверям.

– Спи, воин, ты ещё слаб, душа еле прижилась обратно. Спи! – сказал голос Дарьи и опять хлопнул меня по лбу.

Опять баня, опять полки, Прохор.

– Прохор, а что это было? – спросил я его.

– Мне это непостижимо, Виктор Иванович. Да, и не каждая берегиня сможет «Живород» провести правильно. Мама очень сильна. К нам даже с Соляных Копей приходят. Приходили.

Ответил, называется! Берегиня? Соляные Копья? Это кто? Это где? Но спросить уже ничего не успел – Прохор ушёл.

Пришла Дарья.

– Ты – берегиня?

– Да.

– А кто это – берегиня?

– Я.

Ответила, блин!

– Не спрашивай больше того, что тебе не нужно, – меж тем ответила она, подливая кипятка на камни. Когда прошипело (тело моё обожгло жаром), она продолжила: – Не спрашивай того, на что знаешь ответ. Или сам узнаешь.

Что бы это значило? Если следовать этому совету, то вообще ничего никогда не придётся спрашивать. Есть ещё один такой совет – «не верь, не бойся, не проси». Ну, и ладно, не буду спрашивать.

Или тут её обида говорит?

– Даша, прости меня за слова мои.

– Какие? – спросила она, булькая веником в какой-то ёмкости.

– Я тебя ведьмой назвал и ещё много чего плохого наговорил.

– Я и есть ведьма. Ведающая Мать. Ведьма. Ведаю травки, слова, силу. И мать я. Пять раз уже мать.

– Да? А, ну да. Сам же так говорил.

– И сам не верил?

– Не особо и верил.

И тут она опять запела. «Ведает слова»? Да, слова песен-молитв и знакомы и не знакомы разом. Какое-то наречие. Или, если она ведает слова, ведает исконный язык, то наречие как раз таки у меня.

Она меня парила веником, гладила руками, как-то всё это было по-особенному. Как ритуал какой. Да! Молитва, странные обряды. Ведьма. Ритуал. Мистика.

А меж тем вновь начавшим чувствовать телом я почувствовал, что она гладит и прикасается не только к груди, животу, рукам и ногам, но и к тому, что отличало меня от доброй половины человечества. Только сейчас, когда естество вдруг зафункционировало по предназначению, я понял, что был обнажен (ну, мы же в бане?) что я и в предыдущих процедурах не был одет. Стыд и грех.

– Не надо стесняться. Расслабься, – прошептала Дарья мне прямо в ухо.

Да я и не напрягаюсь. Вернее, это не я напрягаюсь. Это вопрос меня напрягает – это часть ритуала или у тебя давно мужика не было? Тогда почему я? Приятно, конечно, себе льстить, что выбор пал на меня, но самого себя обманывать – глупость. А глупцом быть не хочу. И так дурачком которую жизнь живу.

Меж тем приятное действие продолжалось. Я пошевелил руками. Тяжело, руки слабые, безвольные, но смог дотянуться до головы и стянуть повязку.

Баня, окошко, тёмное уже, пляшущие отблески углей из печи и прелестная обнажённая нимфа в их неверном свете. С веником в руке.

– Как же ты красива, Даша! – восхитился я.

– Зря ты снял повязку. Глаза теперь будут неверными.

Что это значит? Плевать! А вот такую красоту я не могу упустить! За время вынужденной темноты глаза мои так освоились с ней, темнотой, что неверного света через створку печи мне хватало. Я видел всё и в мельчайших деталях. Очень красиво!

Она пристукнула меня по рукам:

– Не мешай!

Не буду. Почти. Всё же, когда она меня оседлала, руки мои сами потянулись вверх, грудь ослепительной красоты уютно легла в ладони. И это мать пяти детей? Фигура у Даши была как у двадцатипятилетней не рожавшей молодки. Хотя нет, кости того, что так логично устроилось на том месте, где мои ноги соединяются в живот, было явно изменено родами, но так – даже слаще. Истинно, ведающая мать!

Когда мы разом застонали от сладкой муки, она рухнула мне на грудь, я гладил её спину, распущенные волосы.

Её пальцы легли мне на рот.

– Молчи!

Ладно, я – молча. Я попытался продолжить действие, но был твёрдо остановлен. Сама, так сама. Я – не против. Феминизм сейчас победил. Или я капитулировал.

Когда она второй раз рухнула мне на грудь, я подтянул её голову к себе и поцеловал. Впервые. Она замотала головой.

– Ты не понял?

– Что я должен был понять?

– Ничего не делай. Сейчас я отдышусь и продолжу. Нельзя оставлять всё не оконченным.

Она отдохнула на моей груди, к моему великому сожалению, спустилась на пол, стала опять меня поглаживать, прикасаться особым образом к определённым местам.

– Всё, – сказала она, без сил опускаясь на лавку у стены. Распущенные волосы накрыли её, как плащом.

Я тоже сполз с полки. Ноги дрожали от слабости, но я стоял!

Не долго, правда. Я опустился перед ней на колени, аккуратно убрал волосы с лица, взял её за подбородок, заглянул в глаза. Потухшие, от полного истощения.

– Это был ритуал?

Она кивнула одними глазами.

– Спасибо тебе.

Она опять кивнула ресницами.

– Можно?

Опять кивнула.

Я поцеловал её.

– Ты прекрасна! Давно не ощущал подобной прелести и красоты. Позволь теперь мне поухаживать за тобой.

Она опустила голову.

– Не надо. То, что было – было нужно. То, что сейчас будет – не нужно. Похоть.

– Не может быть похотью подобная прелесть, – уверенно заявил я, аккуратно собирая её волосы и сплетая их в косу.

Потом я подлил на камни кипятка из деревянной бадьи, где запаривался веник. Камни уже порядком простыли и не дали того жара, что я хотел. Но, повинувшись мне, Даша залезла на полати, я её, не спеша (быстро уставал), парил, гладил. Потом мыл её простым хозяйственным мылом (другого не было), мыл не мочалом, руками. И это было превосходно! Я не ожидал, что Даша, сначала равнодушно-податливая, стала ластиться к моим рукам, как кошка. Мне просто было приятно её мыть. А вернее – щупать. Гладить каждую складочку, каждую выпуклость. Помыть ступни, с подошвой, жёсткой, как подошва солдатского сапога – видно, что часто босая ходит. Я – извращенец? С таким кайфом мыть чужие ноги? А как кайфово было мыть-гладить остальное!

Закончилось всё тем, что мы сцепились снова, сплетаясь в единое целое.

И пусть весь мир подождёт!

Она лежала у меня на груди, поглаживая шрам на сердце, ставший почему-то едва заметным.

– Он был контрастнее. Ты постаралась?

– Да.

– Как называется то, что ты сделала?

– «Живород».

– Так и называется?

– Да.

– Мы сможем повторить? Не ритуал, а то, что было после?

– Нет.

– Почему?

– Другая ждёт своей очереди.

– Докторша?

– Да.

– Подождёт.

– Ты жесток.

– Да. Я не был таким. Раньше.

– И станешь ещё жестче. Если выживешь.

– Вот именно. Ты видишь будущее?

– Нет. Мой муж видел. Он мне сказал, что ты придёшь.

– Прямо так и сказал?

– Он сказал, что придёт странник меж мирами. Воин. Такой же, как и он. Так я тебя узнала.

– Не понял.

– Какой ты глупенький, – приснула она, – все люди дышат разной силой. Твоя сила – как и его.

Она мне рассказывала о том, каким ощущают мир экстрасенсы, как видят мир они. Единственное, что я понял – что ничего не понял. Как объяснить монохромному с рождения псу цвет радуги? Так и я. Не увидев – не поймёшь.

– Ты видишь. Иногда. Боишься только видеть. Не бойся. Ты же воин. Бери всё, что нужно для победы и рази врага.

– Почему он умер, если такой великий воин, а ты такой великий целитель?

– Его время истекло. Он должен был уйти.

– Прости, я не должен был. Я знаю, как терять родных и любимых. И чтобы ты ни делал, ничего не изменить.

– Давай не будем, – она встала, потянулась ко мне. Я думал, чтобы обнять, но она отстранилась всем телом, расстегнула цепочку с крестом, унесла в предбанник, вошла с ворохом простыней и полотенец. Положив ворох мне в руки, она опять охватила мою шею. Когда она убрала руки – на моей груди лежал белый маленький крестик на чёрном кожаном ремешке. А узелка я не нашёл. Ремешок образовывал замкнутый круг без разрыва.

– Как его снять?

– Никак. Пока ты жив – он не разорвётся. Ровно за сутки до твоего ухода он сам расплывётся. У тебя будет время завершить дела и проститься.

– У него был такой же?

– Это его.

– Я понесу его крест?

– Я же понесла твоё дитя.

– Что?

– Я веду тебя, я сразу почувствовала. Жизнь. Живород. Я – тебе вернула жизнь, ты – мне.

Я сгрёб её в объятия:

– Будь моей всегда! Будь моей женой!

Она пылко ответила на объятия и поцелуи. Но, когда мы опять обессилели, опять поглаживая шрам, она ответила:

– Наши пути расходятся и больше не сходятся. Я не смогу быть твоей. Прости.

– Жаль! Как жаль!

– Я буду твоей ещё семь ночей, а потом ты должен вернуться. Там твой Путь. Твой бой – там. И там наш враг. А девочку – не обижай. И как ты всех в себя влюбляешь? – она укусила меня. Не скажу куда.

Пастораль

Утром я с наслаждением сидел на лавке у порога, подставив лицо и голый торс восходящему солнцу. Мир просыпался. И я оживал. Душой.

Мои спутники выползали на солнышко. Ехидное лицо Громозеки, ошарашенное лицо лейтенанта – он так и не вышел из состояния обалдения, радостное лицо Кадета, обиженно насупленная докторша, любопытное лицо великореального ребёнка Прохора и его уменьшенные копии – братья и сёстры, как любопытные зверьки, разглядывающие меня.

Кстати, тут и выяснилось, что значит – неверные глаза. Яркий свет был мне неприятен. А на солнце было больно смотреть. Это было похоже на то, как просидев в тёмном погребке, в полдень выходишь на яркий солнечный свет. Глаза привыкают? А мои – нет, отказываются адаптироваться к повышенной освещённости. Не верные. Но зато в темноте я видел – как кошка. Ну что ж, сам виноват – нарушил процедуру. Может быть, я и пожалею об этом, но не сейчас, когда причина нарушения регламента крутится перед глазами.

– Громозека, ходишь, боец? – спросил я своего телохранителя.

Громозека отчебучил несколько па гопака:

– Лучше, чем был, командир! Дарья Алексеевна – чудо! Но, я вижу, ты за всех отблагодарил!

– Пошляк, – крикнула Даша, кинув в него картофелиной.

Громозека ловко увернулся, раскланявшись, как мушкетёр Дюма.

– Два наряда по кухне! – вынес я вердикт.

Теперь Громозека раскланивался мне.

– Паяц, – резюмировал я.

– Кадет? – спросил я.

– Готов к труду и обороне! – Кадет вытянулся по стойке «смирно», попытался щёлкнуть каблуками. Ясно, ноги в порядке.

Оказалось, что причина обалдения лейтенанта – вылеченный позвоночник. Он мечтал стать лётчиком, но неудачное приземление при прыжке с парашютом при посещении курсов тогдашнего ДОСААФА – длительное лечение лучшими врачами Союза (профессорская семейка). На ноги его подняли. Но остались дикие боли в сломанной спине, время от времени. С мечтой о небе пришлось расстаться. И вот – он сотрудник органов.

Следующая – докторша. Но на мой вопросительный взгляд она сделала обиженную рожу и ушла. Не понял, ей не досталось плюшек? Или это личная обида на меня?

– Я же тебе говорила, – сказала Даша, появляясь рядом, а потом крикнула, похлопав в ладоши: – К столу!

Ревность. Вот напасть! Ещё и передерутся. Я вдруг стал очень популярным у женщин. Необоснованно и незаслуженно. И у каких женщин!

Столы накрыли во дворе. Простая сельская еда была для меня в радость.

– Иваныч, что думаешь делать? – спросил Громозека.

– Хозяйка дала нам ещё неделю отпуска в этом санатории. А сколько даст нам командование? – этот вопрос я адресовал лейтенанту.

Он закашлялся, быстрее пережёвывая полным ртом, оттого смутился:

– Я городской – сроду не ел вкуснее, – пояснил он, а потом по вопросу: – Ну, я думаю, неделя у нас есть, коль Дарья Алексеевна была столь любезна.

Он отвесил поклон Даше. Громозека опять заухмылялся, за что звонко получил деревянной ложкой в лоб от меня.

– Кто сможет подумать, что неизлечимые травмы будут все устранены за три дня? – продолжил лейтенант.

– Ну, коли так, то возьму на себя ответственность, – сказал я, – остаёмся. Думаю, мы заслужили отпуск. Воевали мы хорошо, а будем – ещё лучше. Принимаю на себя повышенные обязательства.

– Иваныч, ты всё испортил, – скривился Громозека, – всю сказочную атмосферу убил. Я прям себя на партсобрании ощутил.

– Не знал, что ты партийный.

– Я тоже не знал, что ты... – начал Громозека, но мой кулак, приставленный к его носу, заткнул ему рот с его очередной пошлостью.

– Итак! – я стал подводить итог импровизированного собрания. – Дарья Алексеевна, если вас не затруднит эта куча шалопаев, то можем помочь по хозяйству.

– Иваныч, мы уже, – радостно воскликнул Кадет, – сенокос же!

– Так, чего ждём? – Я встал. – Давненько я не махал косой!

– Ты и косой умеешь? – опять ехидничал Громозека.

– Слушай, если есть что предъявить, я готов выслушать и даже принять вызов... – Грозно обернулся я к нему, но Громозека со смехом сграбастал меня в свои медвежьи объятия и стал тискать:

– Я просто рад, что ты вернулся, Медведище! И что ты не монах-кастрат, как про тебя думали!

– Ах, ты, сучок!

Пять мужиков, полных сил и энтузиазизма, способны свернуть горы, если их вовремя подкармливать и охлаждать, окуная в воду. Благо речушка имелась в наличии.

Сено было накошено, дрова навалены, БТРом перевезены и даже нарублены, покосившиеся строения и заборы – поправлены, крыша подлатана – благо, не успели они совсем испортиться – хозяин тут жил крепкий.

И всё это – всего за три дня.

Мне была в удовольствие эта мирная работа. И людям моим – так же. С каким удовольствием я ощущал усталость в теле, как было здорово лежать в реке, смотря на проплывающие облака, зная, что не будет в небе ни самолётов, ни налёта.

А ночами – Даша. Но я и так поступил не по-джентельменски, растрепал интимного. Но для связанности истории – надо было. А теперь – промолчу.

Охота на собрата

С шутками и прибаутками возвращаемся с вилами наперевес – ходили переворачивать валки сена. Подходим к посёлку, а там – шухер. Женщины, дети бегают, кричат. Мы бегом.

Внимательно смотрел на своих людей, ветераны – из расслабленного состояния сразу перешли на боевой взвод. Как сжатые пружины стали. За собой давно заметил, теперь увидел, зримо – в других.

Подбегаем, вилы, как винтовки с примкнутыми штыками. Нас шарахаются. Навстречу бежит Даша и дети.

– Витя, беда!

– Разберёмся!

– Медведь тут шалит один. Третьего дня корову задрал, а сейчас детишек перепугал. Рекой и спаслись.

– Медведь в реку не полез? Они же умеют.

– Вот и благо, что не полез. А в другой раз?

– Это всё? – удивился я.

– Мало?

– Я думал... – протянул я.

– Немцы? – спросил Громозека и заржал.

Видя, что народ обижается на наш смех, Громозека поднял руки и закричал:

– Люди, успокойтесь! Завалим мы косолапого. Красная Армия уже тут. Тем более, не бывать в одной берлоге двум медведям!

Это он про меня? Я пнул его по седалищу. Пошли вооружаться.

Тут удивил Прохор. Выносит два копыя. Рогатиной их назвал. Копья справные. Наконечники – странные. Тут в чём дело – я ведь работал в литейке. И вот на шестом году работы открылся у меня дар – не дар, ну, в общем, брал я в руку что-либо металлическое и, шупая, «ощущал» состав сплава. С точностью до процента. Погрешность великовата для производства, где десятая процента меняет эксплуатационные свойства, но вот так как-то. Неоднократно проверял себя. Пользы не много, но на шихтовый двор меня звали постоянно. Металлолом сортировать. Сталь марки «три» от стали «сорок пять» отличаю – уже большое дело было. Серый чугун от фосфорного чугуна, цинковую бронзу от свинцовистой. Особенно хорошо с бронзой получалось, её я как раз до десятых определял. Образцы перед химлабораторией ко мне носили. Не станешь же сверлить каждый кусок металла? А так – приблизительно накидали – уже подспорье. Так что я тоже чуть-чуть экстрасенс.

Так вот, наконечники. Я не смог понять, что за сплав. Понятно, что бронза. Медь – основа, олово, цинк, сурьма чуть-чуть, свинец, куда без него, сорного, железо, никель и процентов десять неизвестного мне металла. Сплав был серо-желтоватым, легким, прочным, хорошо держал заточку и не ржавел.

– Что за металл? – спросил я Прохора.

А тот лишь пожал плечами:

– Отец на охоту лишь с этим ходил.

– На медведя? – Я охренел.

– И на медведя.

– Ладно, – я сомневался, – бери. Но, и оружие возьмём.

– Нечестно это.

– Что нечестно?

– Стрелять в зверя.

– Ты чё, тронулся?

– Отец так говорил.

И смотрит на меня. На слабо берёшь? А вот и не угадал ты! Дураков ищи в другом месте. Ага, может, ещё и на танк с этой побрякушкой?

В общем, взяли мы два копыя, но и огнестрелы взяли. Боевое, табельное. Оно хоть и на других зверей рассчитано, но, думаю, скорострельность будет заменой малому останавливающему действию. Громозека из этих же соображений хотел пулемёт снять с БТРа. У него с останавливающим действием как раз всё в порядке, но это уж чересчур. Не на войну идём, на охоту. А пулемётик-то станковый. С соответствующим весом. Верю, что Громозека его допрёт, а вот как стрелять будет? С колена? От живота? Даже не смешно.

Только дойдя до того места, где косолапый напугал детей, я озадачился вопросом – а как мы его искать будем? Покричим ему? На сотовый дозвонимся?

Выручил Прохор:

– Вот его след. Пошли.

Так и пошли. Прохор – первый. Со своим копьём. Потом я с копьём, ТТ и трофейным штык-ножом, потом остальные. Они-то как раз вооружены карабинами и автоматами. Потому и открестились от копыя. Пришлось мне тащить. И зачем я его вообще взял?

Так и шли за нашим следопытом. Честно говоря, было скучно. Я уже и пожалел, что ввязался в эту авантюру. Стал думать о другом. Пытался своим скудным умишком прованговать, как одолеть Сауриновых слуг, что захомутали человечество, запихивая его в новое средневековье.

Замечтался, одним словом. Как оказалось, не один я механически переставлял ноги, летая мыслями в облаках. Из матёрых вояк мы обратно превратились в расслабленных курортников.

И очень зря! Медведь не зря именуется хозяином тайги. Это был сильный, умный и хитрый хищник. А наш ещё и матёрый. Он на нас устроил засаду. Прикинь?

Когда мы вошли в узилище – пошли по узкой тропе меж сплошных стен орешника, нам отлилась наша беспечность.

С диким рёвом громадный грязно-бурый зверь обрушился на вытянувшийся цепочкой отряд, прошёлся сквозь нас, как бульдозер. Прохор тряпичной куклой был отброшен в заросли, я стормозил и схлопотал когтистой лапой в грудь. Но стормозил всё же не фатально – сумел хоть как-то отстраниться, потому боль обжигающей лавой разлилась от шеи до пояса, но жизнь осталась во мне. Если бы вообще не среагировал, выпустил бы зверь мой кишечник проветриваться.

А зверь летел по тропе дальше, раскидывая людей, как шар боулинга раскидывает кегли.

Я выхватил свой пистолет, принял положение для стрельбы с колена и, преодолевая боль расплосованного живота, всаживал пулю за пулей в бурый холм мышц и жира, что калечил моих друзей.

Не, я не думал даже, что это сможет его убить. Я хотел отвлечь зверюгу от моих спутников, заагрить на себя. И мне это удалось. Как раз, когда кончились патроны и затвор остался открытым.

С оглушающим рёвом страшная медвежья морда повернулась ко мне. ЁПТЬ! Страшно-то как! Я чуть на обделался.

И тут включился «калькулятор» в моей башке – моё холодное и расчётливое альтер-эго.

– Отставить рефлексию! – приказал он мне. – Он только морду повернул. А нам он нужен весь! Ори!

И я заорал. От боли, от страха, от ужаса, от злости на себя, испугавшегося всего лишь дикого зверя. От обиды и досады, что расслабился не вовремя и прохлопал засаду. От жалости к своим спутникам.

Наверное, у меня хорошо получилось реветь – зверь развернулся весь, встал на задние лапы, воздел передние и заревел ещё пуще. Гля, какие же у него зубы! Не зубы – шпалоподбойки!

Но я тоже встал на ноги, воздел руки, с невесть как оказавшимся в правой руке копьём, и тоже заревел. Без слов, просто рёв.

И он кинулся. Блин, кто бы мог подумать, что такая туша может обладать такой скоростью и сноровкой!

Я едва успел рухнуть на колено, выставив копьё на нависающего медведя, уперев заострённый тыльник копья в землю. Почему я так сделал? Не знаю. Я позже много думал об этом, узнал, что это обычный, в средневековье, способ обороны копыеносцев от конницы, но это позже, а в этот момент сработало что-то глубинное и подкорковое.

Зверь нарвался на наконечник копья, который легко пронзил его толстенную шкуру и насадил себя собственным весом и ускорением на копьё, как на шомпол.

Думаете, это конец? И я так подумал, видя, как наконечник копья исчезает в теле зверя. А вот хрен я угадал! Древко копья стало изгибаться в моих руках, я рванул в сторону, на миллиметры уходя от ужасных когтей и клыков, когда с громким и сухим треском древко лопнуло, перекрыв звуком лопающегося дерева даже рёв раненого зверя. И если бы не моя способность при выбросе адреналина резко взвинчивать жизненные процессы – каюк мне!

И тут я увидел безжизненное тело Прохора. В крови лежал, сломанной куклой.

– Моего сына! – взревел я, разворачиваясь к медведю.

«Чё? Сына?» – промелькнуло удивление «калькулятора».

«Не отвлекай! Помогай!» – велел я ему.

Зверь готовился к атаке, я – тоже. Штык-нож в руке, ярость взвинтила обороты моего сознания, замедляя время вокруг меня, кровь кипит адреналином.

Надо было поднять зверя на дыбы. Я вскинул руки и опять взревел. Ну, вот, хороший мишка, тоже встал на дыбы, пугает рёвом.

Только, миша, «курортник» как-то иссяк. Перед тобой майор Кузьмин, что под танками горел! Да в режиме слоу-мо!

Прямым ударом ноги, обутой в добротный берц, я забил обломок копья ещё глубже – для этого и поднимал медведя на две кости. Поднырнул под удары лап, не совсем чисто – когти зверя прожгли болью – и с размаха всадил штык-нож ему в горло. Снизу вверх, под основание нижней челюсти. Попытался увернуться, но медведь опять неприятно поразил своей расторопностью – его лапы сомкнулись вокруг меня, как гидравлические домкраты.

От шума крови в ушах, от багровой занавесы на глазах не видел и не слышал, как мои спутники с визгами, писками, криками, кто что смог издать из стиснутого болью и ужасом горла, накинудись на зверя со всех сторон и начали кромсать бурую шкуру топтыгина ножами и штыками, опасаясь стрелять, боясь попасть в меня.

Так, коллективными усилиями зверя и завалили.

Меня вытащили, растормошили – я был в полуобморочном состоянии. Я оглядел своё воинство – стоят, уперев руки в колени, дышат, как загнанные лошади, в крови и грязи с ног до головы.

– Да, пошли по шерсть, а самих остригли, – прохрипел я.

И тут меня в груди обожгло:

– Прохор, сын!

Блин, что это? Какой он мне сын? Почему я второй раз его так называю?

Прохор лежал изломанный, смертельно бледный, мелко и часто дышал, но был жив.

– Жив! Слава богам! – вскричал я, оборачиваясь к своим спутникам – кто из них мобилен?

– Кадет, ты с американским тарантасом справишься?

Кадет кивнул. Он тоже был бледен, в крови, но цел – он шёл в цепи замыкающим, потому ему досталось меньше остальных – успел выставить перед собой карабин. Оружие – в хлам, но Кадет отлетел в куст и отделался испугом. А кровь – это медведя.

– Срочно беги за Дашей! Привезёшь её на бэтээре. И мухой! Одна нога – другой не вижу! Цигель!

Кадет побежал, а я без сил сел на подрагивающую тушу зверя. Громозека передо мной упал на колени, закатил глаза и завалился на спину. Понятно, шоковое состояние отходит. Досталось осназовцу. Надо было ему помочь, но я сам едва в сознании. А лейтенант баюкает руку, зажав ею располосованный бок, закусив губу, бледный, как крахмальная скатерть, в глазах – стекло боли.

– Ничего, Даша спасёт. Осталось самое сложное – ждать, – прохрипел я.

Надо говорить, иначе отрублюсь от боли. Жаль, нет противошокового. Кстати, надо навспоминать лейтенанту что-нибудь про боевые аптечки. Говорить! Говорить, чтобы жить! Или петь:

Что мне за роль выдала боль? С головой!
Нет мне мечты – встать у черты роковой.
И никогда я не просил – я так жил
Болью своей, ролью своей – я не дорожил.

По раскрашенной душе моей
На обратной стороне написал: «Поверь!»
Время развевало в дым следы
Что осталось мне теперь?
Собирать свои дары.

По временам выпало нам
По рукам!
Быть красотой, стать высотой
Дуракам!

Так и терпел, жизнью кипел,
Истину имел,
Долго не ждал, сил не терял,
Что же нужно нам?

Вот так и сидел, пытаюсь петь, но на самом деле просто выл, раскачиваясь, с закрытыми глазами.

Полевая медицина по-уральски

Её я почувствовал. Открыл глаза. Она бежала по тропе, сверкая изумрудными молниями из глаз, отмахивая рукой. Коса причальным канатом билась сзади, косынка сползла, полы платья заткнуты за пояс.

Подбежала, на долю секунды обняла, чмокнула, и упорхнула, прежде чем я начал отстраняться. Им помощь была нужнее – я не помру, я же, блин, долбаный горец! Дункан, мать его, Макклауд! Но она и сама это знала. Упорхнула мне за спину, к Прохору.

– Жив? – спросил я, так как сил повернуться не было.

– Выживет.

– Поправишь?

– Да. Живород сделаю.

– Как? Он же твой сын!

– Дурашка! Тем более, что сын! Его поток жизни я знала всю его жизнь, он же – сын мой!

– То, что было тогда – это установление соединения? – Дошло вдруг до меня. – Это мы так синхронизировались?

– Милый, не мешай!

– Нокия, конектинг, гля, пипл! – выругался я. Всего лишь синхронизация исходящих частот биоритмов. Вот и всё. Никакой магии.

Передо мной встал какой-то дедок векового внешнего вида.

– Что? – спросил я.

Дед обошёл меня с фланга, долго присматривался подслеповатыми глазами к морде поверженного зверя, потом рухнул перед медведем на колени и сказал:

– Прости, хозяин!

Чокнутый какой-то. От старости мозги совсем набекрень пошли. Хотя меня такая же судьба ждёт. Если у меня сейчас шифер крыши лопнул и расслоился, то что будет в его возрасте?

Дед меж тем рукой закрыл глаза медведю. Медведю. Я сам так делал. Людям. А это – зверюга. Большая, свирепая, умная, но зверюга. Что он там бормочет?

– Совсем озверел хозяин. Люди тебе совсем места не оставили. Лезут везде, воняют. Лес изводят. А как нехристь пришёл – так лес валят круглые сутки. Так, дети при чём, Миша? А эти вои – достойные. Смерть твоя была достойна, упокойся. Честно они тебя взяли, копьём и ножом. Грязно только. И всю шкуру испортили.

И тут дед достал из голенища нож.

– Вой, освободи место.

Зачем вой? Это он мне? Кто воет? Я – вой? А, ну да. Вой, он же – воин. Потому и «война».

Я сполз с туши зверя, а дед принялся споро его освежевывать. «Хозяина».

Чекануться! На колени перед трупом медведя падает, хозяином величает и тут же ошкуривает! Вот это дед! К такому спиной не поворачивайся!

Я лег на бок рядом с Громозекой. Но дед не дал мне спокойно повалиться – стал тормошить меня.

– Что? – Я никак не мог понять, что ему от меня надо. Бубнит что-то, печенью мне в лицо тыкает.

– Откуда я знаю, может, он бухал, вот и разнесло печень. – Хотел я отмахнуться от деда, но он неожиданно твёрдо схватил меня за подбородок и уставился прямо в глаза.

Сознание моё прояснилось, я сел, стал концентрироваться на словах деда. Но там концентрироваться было не на чем, он только твердил:

– Ешь!

– Да не хочу я, чё пристал?

– Трофеей победителя, – сказал дед, – возьми силу хозяина.

Я усмехнулся. Дикость какая!

– Ешь! – приказал дед неожиданно таким тоном, что я вцепился зубами в сырую медвежью печень.

Блин, надо запомнить, как он это сделал. Я же командир, мне надо научиться так же приказывать! Нейролингвистическое программирование, гля! На коленке. Или это большой опыт? Кто ты, дед, что умеешь так приказывать?

– Почувствовал?

– Что?

– Экий ты нетопырь! Силу зверя, что ещё?

– Нет, не почувствовал, дед.

– Отец, он и так зверь, – сказал лейтенант, – Медведем кличут и так. И с этим боролся как медведь. И одолел. Лучше мне дай. И этому вот, что лежит. А то умрёт.

– Дарья Алексеевна здесь, не умрёт, – ответил дед, протягивая печень лейтенанту, пристально глядя на меня. Я усмехнулся и отмахнулся от него.

Подошла Даша. Вся посеревшая, потухшая, будто её в придорожной пыли вываляли. Изумрудные глаза стали цвета листвы позднего лета, когда они пылью покрыты, лицо посерело, постарело, пролегли глубокие морщины. Губы тоже бетонного цвета. Даша отобрала печень у лейтенанта и вцепилась в неё. Чуть ли не с кошачьим урчанием.

– Жив? – спросил я.

Она кивнула, не отрываясь от печени зверя.

Странный тут народ живёт.

Дед опять удивил – протянул Даше пить, но не флягу, к которым я уже привык, а какой-то кожаный бурдюк, заткнутый деревянной пробкой. Я такие только в кино рыцарских видел.

Даша напилась, посветлела. Дед дал мне бурдюк, приставив горлышко прямо ко рту.

– Пей, болящий, живую водичку.

Ага, как в сказке. Но лучше бы мертвой водички – спирта, граммов триста принять.

Вода была вкусной. Чистой, прохладной. Родниковой.

Даша тут позвала деда. Она водила над Громозекой руками. «Сканировала»? Теперь я понимаю, почему у нашей медицины вековое отставание от остальных. Зачем вкладывать средства, строить производство медоборудования и лекарств, развивать меднауку, а всё это очень дорого, а отдача несущественна. Или вообще отсутствует. Зачем? Если всё это само народилось. Тут за раз и магнитный резонатор, и узи, и вообще академия меднаук в одном миловидном лице. Целый поликлинический комплекс с именем Даша, одна заменяющая сотни врачей и десятки этажей оборудования. Реально проще к ней приехать и отдать пусть и много, но несравнимо меньше, чем десяток процентов ВВП. И вероятность выздоровления выше. А разве мало таких? Я за две жизни троих уже встретил. Именно лечащих. Не говоря об иных спецах.

Пока я лениво предавался размышлизмам, дед, повинувшись жесту Даши, разрезал гимнастёрку на груди Громозеки и облил его грудь и живот из другого бурдюка. Мёртвая вода?

– Разрыв внутренних органов от удара, внутреннее кровотечение, – пробормотала Даша, моя руки «мёртвой водой», что лил ей дед.

Икать! Даже в наше время – труп. Не факт, что довезёшь, что успеешь, что окажется достаточно квалифицированный хирург и что он вообще будет, хирург этот.

И тут Даша приставила ладони к животу Громозеки, надавила, будто хотела проткнуть пальцами ему пресс. Икать тому менту три раза! Брызнула кровь, пальцы Даши стали погружаться в живот Громозеки, как в тесто. Меня затошнило, лейтенант – рыгал. Я отвернулся.

Блин, всё уже было! И мозги на лице, и кровь чужая заливала, и кишки наружу, оторванные руки-ноги-головы. Люди, взрывами превращённые в суповой набор, мои бойцы, зажарен-

ные в самоходах и танках до углей, всё видел, а вот такого не приходилось. И было неприятно. Понимаю – она знает, что делает, она так лечит, но, блин! Хотя хирург, пилой-ножовкой без наркоза отпиливающий ногу, – ещё хуже. И такое я видел. И зомби видел. Боец шёл тогда на меня, нёс левую руку в правой. Глаза – стекляшки. Он прошёл, я оглянулся – а у него нет затылка. Начисто снесена макушка. Он прошёл ещё шагов десять, упал, забился в конвульсиях. Война, будь она проклята!

– Всё! – прохрипела Даша.

Громозека хрипло вздохнул и заплакал в голос. Забился в истерике, в конвульсиях.

– Чуть душа не отошла, – прокомментировал дед.

Даша подошла ко мне.

– Я – крайний! – сказал я ей, показав подбородком на лейтенанта, что с надеждой смотрел на Дашу. Она кивнула и отошла.

Я лёг на спину и смотрел на уральское небо. Как на небо Аустерлица. И думал о тщетности жизни.

Когда очередь дошла до меня, я уже был в полубреду – в небе надо мной в ворота рая маршировали ровными походными колоннами красноармейцы в новенькой парадной форме. И все в колоннах, проходя надо мной, синхронно поворачивали головы ко мне и пристально смотрели мне в глаза.

– Русские солдаты не умирают – они отступают в рай на перегруппировку, – прохрипело моё горло, когда Даша составляла сломанные рёбра.

Я видел, как она вздрогнула и замерла, пристально глядя мне в глаза. Потом её глаза проскользили мне на грудь, туда где белел костью мамонта резной крестик без распятия. Из глаз её хлынули слёзы, она упала мне на грудь и расплакалась.

– Люба, спаси его, – хрипело моё горло. – Его путь не пройден.

А я при этом лишь присутствовал. Знаете на что похоже – что я стал одержимым другой сущностью и наблюдаю со стороны, как эта сущность разговаривает со своей женой. Она же, эта сущность, и кричала моим ртом: «Моего сына!»

Меня надо срочно сдавать крепким санитарам с рубашкой оригинального дизайна для бессрочного размещения в гостинице полного пансиона с мягкими стенами, для душевного общения с внимательными и вежливыми дядьками в белых халатах. А самое хреновое, что я полностью осознаю, что я – психически нездоров.

Моё тело в это время жгло болью – Даша сращивала сломанные кости и порванные ткани. И я уже знал, опять же благодаря «сущности», она же «калькулятор», что голову мою она, Даша, вылечить не способна.

Дорога в храм

Наверное, я вырубился, а парни меня перетащили к реке. А сами пошли перетаскивать мясо медведя. Я проснулся на берегу. Один. Сел. Осмотрел себя. И переодели. Ну, верно. Моя форма была испорчена, а кроме этого домотканого льняного одеяния ничего и не нашли.

Тихо журчала вода, шелестел ветер травами, пели птицы где-то рядом. Я пересел к воде, опустив босые ноги в воду. И сидел так, кайфуя. Спешить мне было некуда, да и незачем. И пусть весь мир подождёт. Такого блаженства я с детства не помню.

Я услышал шаги. Конские шаги. Кто-то верховой. Обернулся. Конь, но один. Странный конь – белый-белый, с длинными, возможно, ни разу не стриженными гривой и хвостом, с умнейшими большими глазами цвета миндаля и, самое странное с белым витым прямым рогом во лбу. Единорог. И я даже не удивился. После всего, что творила Даша, почему бы единорогам тут не ходить?

Единорог подошёл ко мне и встал, внимательно рассматривая меня. Я хотел его потрогать, но вспомнил какие-то отголоски сказок, что если притронуться к единорогу, он взбеленится и проткнёт. А справиться с ним может только девственница. А так как я ни разу девственницей не являюсь, то оставил свои руки при себе.

Но единорог продолжал смотреть на меня и чего-то ждал. Может, он пить хочет? Типа, на водопой пришёл? А я сижу на его любимом месте? Я встал и отошёл на два шага. Так и есть – он подошёл к воде и стал пить, я, в восторге, смотрел. Никто не может похвастаться, что видел этого целомудренного зверя, а я его вижу с расстояния вытянутой руки, ощущаю его запах (ни на что не похожий), ощущаю даже тепло его тела. И он не белый. Тонкая короткая его шёрстка была цвета серебра, грива и хвост – белого золота, а кожа такого же цвета, как и у меня. Телесного. И это был самец.

Единорог перестал пить, оглянулся куда-то за моё плечо, я непроизвольно тоже и тут же отпрыгнул подальше – на меня шёл огромный бурый медведь, наискось ставя огромные лапы с когтями длиной со штык-нож.

Видя мои упражнения в акробатике, медведь удивлённо сел на задницу, с любопытством и, самое важное, без агрессии разглядывая меня. Блин, точно такого же я убил сегодня. Хотя у убитого мной шерсть была свалена комками и грязно-бурая, а у этого – как шёлковая. А на груди – серебряные полосы.

Хотя медведь и не был агрессивным, но я продолжал пятиться с его пути, не отводя взгляда от его морды. Ещё бы, я его опасался – только из схватки с таким же едва вышел.

Медведь, проводив меня взглядом, поднялся, прошёл мимо, вызвав моё восхищение своей грацией, мощью и царственностью какой-то. Но при этом он, совсем не по-царски, зашёл в воду и сел прямо в воде в метре от берега, плескаясь, как щенок.

Я тихо ох... хм, как это говорится, а... впадал в состояние лёгкой прострации от удивления, с лёгким дезориентированием. Не, матом проще. Короче и более ёмко. Но говорят, это от бескультурья. Э-э, о чём я думаю?

А о чём ещё думать? А зачем вообще думать? Нах!

И я тоже, внаглую, прошёл к берегу и сел так же, как до прихода зверей, болтал ножками в водичке, распугивая мальков, с полнейшей нирваной в котелке. Ну, гигантский медведь, ну, мифический единорог, ну и?

Ну и тигр! Тигр!

Огромная кошка, георгиевской расцветки, с истинно кошачьей грацией, несмотря на тонный вес, шла прямо на меня, усы на её морде ходили ходуном, глаза... блин, глаза! Где я их видел? На полигоне! Сталин! У него такие же глаза! Тигриные!

А, будь, что будет! Не побегу! Глупо это. Всё одно не убежишь! Только устанешь.

Тигр шёл мягкой походкой прямо на меня. Я встал ему навстречу. Тигр смотрел, не отрываясь, прямо мне в глаза. Два метра, метр, ничего. Тигр обнюхивал моё лицо. Я замер, боясь дыхнуть. И вдруг твёрдый лоб гигантского кота, покрытый тонким шёлком, ткнулся мне в лицо. А потом ещё и потёрся об мою голову, совсем как кот, что жил у меня в той, прошлой, жизни. Непроизвольно я протянул руку и почесал тигру подбородок. Тарахтение кота такого размера, которое должно быть урчанием, было по громкости сопоставимо с работой дизельного двигателя танка.

Как я уже говорил, состояние лёгкой прострации от удивления, с лёгким дезориентированием плавно переходило в состояние полного опи... В общем, в близкое к шоковому.

Тигр лёг, я, опять же произвольно, уткнулся в шею этого тарахтящего полосатого ковра.

Гля! Хорошо-то как! Нирвана в Шангри-Ла!

Я лёг на полосатый диван, урчащий подо мной, и запел небу:

Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и яркою звездой,
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красоты.

Одно – георгиевский огнегривый тигр,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой медведь небесный,
Их светлы взоры забываемые...

– Хорошо поёшь, – услышал я вдруг.

Я сел. Новый гость. Тоже интересный. Старик в серой рясе, что когда-то была, видимо, черной, но – выцвела полностью. Седая богатая борода, седые волосы убраны каким-то серебряным обручем. Серебро, сталь, полированный алюминий? Не, не важно. Лицо в морщинах, кустистые брови, а вот под ними – лукавые глаза чистой воды, голубые, как небо над моей головой. Хм, не такой уж он и старик, просто седой и зарос сильно. Это если и я года два стричься и бриться не буду, так же буду выглядеть. Я уже полностью поседел.

– Благодарю, мил человек, – ответил я ему, кивнув.

– Тебя не напугали мои питомцы?

– Твои? Питомцы? Не хило! Не, не напугали. Очень красивые и довольно милые, хм-м, зверушки.

Гость, хотя, может, это я – его гость, а вот он-то как раз здесь хозяин, сел рядом и также опустил босые ноги в воду. Да, имея такие подошвы ступней, сапоги не нужны.

– Дочь моя шепнула мне, что тебе надо поговорить со мной?

Я хмыкнул. Но тут на днях мне посоветовали не быть капитаном Очевидностью. Дочь его – Даша, больше некому, учитывая всю эту мистику. А он – тот самый батюшка, которому надо было обо мне рассказать. Мне надо с ним поговорить? Так она решила? Ну, что ж, языком молотъ – не мешки таскать. Я опять завалился на тёплый и мягкий бок амурской кошки, закинул руки за голову и стал рассказывать ему свою историю. А что? Если Даша тут заменяет собой чуть ли не весь Минздрав, то её батюшка может исполнять обязанности психоаналитика? Может – не может, а будет врию. Мы в армии или как? Не может – научим, не хочет – заставим.

Я рассказывал. И всё больше увлекался, разнервничался, стал материться, вскочил, стал ходить кругами. Милые сказочные, но от этого не менее огромные, зверушки, с любопытством сопровождали меня умными глазами. Казалось, они тоже слушают мой рассказ, взвешивают. Присяжные. Или трибунал. А батюшка – судья. А приговором мне будет – расстрел, заменен-

ный на съедение живьём. И пусть! Я не боялся. И не врал. Рассказывал так, как было, не пытаюсь оправдать себя, выгородить, соврать. Пусть они решают, а мне уже надоело носить это в себе. Хотел выговориться.

А батюшка слушал молча и бесстрастно. Глаза его были внимательны, хотя и были холодны и так же равнодушны.

– И вот я здесь. Всё, – закончил я.

– И чего ты хочешь?

– И что же нужно нам? – машинально ответил я словами песни. – Да просто свет в оконце. И чтобы кончилась война. Не, не слушай меня, это слова песни. Я прекрасно понимаю, что «свет в оконце» – это запросто, но пока идёт война – это измена. А войны сами не кончаются. А если серьёзно, святой отец, то я не знаю. Я совсем запутался, потерялся.

– Так ли это?

– Не так? – удивился я, глядя в эти внимательные, мудрые глаза. А потом прислушался к себе. Со скрипом, скрежетом ворота моей души открылись, я заглянул в самого себя. Не так!

– Прости! – сказал я и с тяжёлой совестью продолжил: – Ты прав. Я просто устал. И поступил недостойно мужчины. Раскапризничался, как ребёнок. От долга меня никто не освобождал. И от ответственности за них всех.

Я махнул рукой за головой, там, мне казалось, были они, те, кто пошёл за мной в этом мире, те, кто были мне дороги в обоих мирах. И я их подвёл. Этим своим самоубийственным поведением там, дома, в будущем, и здесь, на воронежской земле я сильно подвёл всех. Мне было стыдно.

– С тобой легко, – усмехнулся батюшка, – считай, всё сам сделал.

– Многое становится виднее, если на время отвлечься. Это ваше попадание в «сказку», чем бы оно ни было на самом деле, помогло отвлечься и взглянуть на себя со стороны.

– И что ты увидел?

– То, за что мне теперь стыдно.

– Расскажи.

– Не мучай меня! – взмолился я, но под его взглядом увял.

Глубоко вздохнул и заговорил:

– Эгоиста. Эгоиста я увидел. Живу для себя. Себя, свои мысли и чувства поставил выше других. И это моё самоубийственное поведение – попытка сбежать.

– А что получилось, ты понял?

– Понял. Когда я тут умирал, то я оказывался в своём мире. Но вышло-то ещё хуже! Первый раз, когда я сюда попал, я был уверен, что родные мои живы. А потом я хоронил их своими руками. И ничего я не мог сделать.

– Так и было. Когда ты перенесён был сюда первый раз, их судьба не была такой трагичной. Но ты попытался изменить предначертанное. Сработали защитные демпферы, отдача их – страшна, бесчеловечна. И с каждой попыткой тебя, а с тобой и всех, кто зависит от тебя, коверкало всё сильнее.

– Я это заметил. Судьба?

Но мой собеседник не ответил. А, риторический вопрос, как же, помню.

– Одно не пойму – почему я? Почему именно я?

Мой собеседник поднялся, отряхнул одежду, пошёл, поманив меня за собой. И мы пошли куда-то. Звери шли сзади эскортом.

– Вот, ты не веришь в судьбу.

– Не верю.

– Почему?

– Судьба – для дураков. Большая часть людей совсем не хотят жить головой, многие вообще с ней не дружат. Дурачком же легче. Но если же пустить всё на самотёк – это же приведёт к хаосу. К тому самому полному финалу. Поэтому, я думаю, для таких и существует судьба.

– Продолжай.

– Я много наблюдал за неразумными. Людьями и животными. Особенно через зверей и насекомых хорошо видно это. Например, оса или муравьи. Они же живут по одному, раз и навсегда написанному скрипту.

– Скрипту?

– Ну, программа. Это из компьютеров.

– А-а.

Чё, а? Ты знаешь, что такое комп? «А-а»! Ладно, не будем задавать вопросы, ответы на которые мне не нужны. Может, и знает. Продолжим размышлизмы:

– Особенно хорошо видно, если программу нарушить. Если аккуратно удалить нижнюю часть муравейника, не затронув вершины, то муравьи не замечают потери, продолжая строить верхушку.

– Муравьи замечают. Ты про термитник говорил?

– А, ну да, попутал. Не суть. Главное – общественные насекомые, псевдоразумные, живут по прописанной программе с её глюками, багами и прочими ошибками. А если обстоятельства выпадают из программы, они подвисают и погибают. Так и большая часть людей. А судьба – программа для них. Жизнь большинства людей не отличается по сложности от жизни тех же ос, хотя эти полосатые мухи – неразумны.

– А разумные люди? Для них нет судьбы? – спросил батюшка. И зря я не учёл лукавых искорок в лазури его глаз.

– Если человек разумен до осознания ответственности и последствий своих поступков – он сам себе определяет судьбу. Ноу фатум!

– А ты не думал, что для одних – простая судьба, для других – посложнее. Кому-то тетрис всю жизнь, а кто-то «Цивилизацию» юзает?

Сказать, что я выпал в осадок – ничего не сказать. Я просто оху... в шок попал, в общем.

– В общем, – продолжил мой собеседник, – ты и прав, и не прав разом. Действительно, для всех прописана разная судьба. Но, для всех. И есть защитный механизм, защищающий сущее в этом мире. Должен понимать, что без защиты «от дурака» ни одна система долго не просуществует. Так, кстати, и было. И не раз. Всё приходилось начинать заново. И с каждым разом демпферы всё мощнее. Их, кстати, можно преодолеть. Причём разными способами.

– А как же без этого – исключения, подтверждающее правило. Как в «Матрице», Избранные и Пифия?

– И снова ты прав. Ведь все люди созданы, ты должен помнить, «по образу и подобию». Это значит, что каждый желающий может стать богом. Или подобным богу.

– Прометей?

– Прометей был богом. А вот его избавитель от кары богов – Геракл – был человеком, а стал богом.

– Демпферы не сработали?

– Срабатывали. И не раз, поверь. Ему доставалось! Никто же не обещал, что путь в боги – лёгкий.

– И одолеют его только достойные?

– Или хитрые. Читеры были, есть и будут. Но система совершенствуется с каждым разом. Читерство, как надеюсь понятно, – наказуемо. Но мы отвлеклись. Так о чём мы?

– Судьба. Для дерзких – её нет?

– Есть. Для всех есть. Даже у самих богов есть судьба. Наверное. Но если тебе в рамках твоей судьбы стало тесно, ты можешь доказать, что достоин большего, и преодолеть сопротив-

ление демпфера, и тебе будет прописана новая судьба – более сложная, но и с большей степенью свободы, а главное – более интересная.

– И зачем такие сложности?

– А ты вспомни – кем были созданы люди?

– По образу и подобию.

– Вот-вот. Душа нам даётся не для того, чтобы её погасить в зверином образе. А чтобы она обогатилась и обогатила того, кто её дал.

– А кто её дал? – спросил я, но получил такой взгляд, будто вдруг превратился в осла. А не задавай очевидных вопросов! Всё верно.

– Ладно, вернёмся к нашему барану, а конкретно – ко мне. Я-то тут при чём?

– Ну, ты же осмелился отринуть судьбу. Отринуть смерть. И тебе был дан шанс. Это и есть твоя новая судьба. Но ты её не принял. Всё время пытаешься её переписать. За что и получаешь.

– Не лезь туда, куда собака не совала...

– Элементарная техника безопасности. Сунул палец в розетку – получил удар током.

– Сунул провод – получил свет. Спасибо тебе, отче. Но ты так и не ответил, почему погибли мои родные.

– Когда ты погиб под вагоном – жене твоей было не до развлечений, она ни на минуту не оставалась одна и операция людоедов пошла по запасному варианту, погибла другая девушка. Ты выбрал другую судьбу, но не дорос до неё, всё завалил. Море крови. Ты попытался ещё и ещё. Последний раз почти получилось. Судьба. Ты не захотел успокоиться – погибло много народа.

Я усмехнулся:

– Это можно исправить. Прямо сейчас.

– Поздно. Твой «крипт» переписан. Жить вчерашним днём – нарваться на демпфер.

– И что же мне делать? – в отчаянии закричал я.

– Мы почти пришли.

С вершины пригорка открылся вид на небольшую церквушку. Маленькую, но всю такую чистенькую, яркую, как игрушечную. Каменные стены были оштукатурены и побелены, окна забраны цветной мозаикой, купол луковкой – золочён. Ворота храма были открыты. Для меня, что ли?

Мы зашли в храм. И пока я хлопал глазами, разглядывая фрески, батюшка переоделся в ритуальную спецовку. Потом он проводил со мной разные причитающиеся обряды. Я хоть и верующий, но в ритуалах – не силен.

И когда всё закончилось, он обнял меня, как родного, благословил меня и сказал:

– Иди, Витя, с Богом! Теперь ты поймёшь, что надо делать. Проснись, Витя! Проснись!

Прощальный ужин

Это был сон. Просто сон. Галлюцинация, вызванная болевым шоком и кровопотерей. Не было никакого батюшки, не было единорога, не было храма. И беседы не было. Это я сам с собой общался в бреду. Я понял это, когда сел и осмотрелся. И очень расстроился. А потом подумал, что глупо сожалеть о том, чего и не было. Глупее – только о том, чего не будет.

– Статус! – приказал я.

Все с удивлением смотрели на меня. Да, хорошо воинство – изодранное, в крови, грязнущее! И у всех, как у вампиров, – рот в засохшей крови.

– При команде «статус» доложить обстановку! – снова приказал я.

– Это не по уставу! – буркнул Громозека.

– Поговори мне ещё! Встать! Смирно! Статус!

Он стал докладывать, но я не слушал. Не для того строил. Я и своими глазами всё вижу. Я их построил и этим направил моральное состояние в нужное мне место, вынудив его оттуда, где оно было.

– Слушай сюда, – приказал я, когда Громозека закончил, – разделяем тушу зверя, грузим всё в бэтер и возвращаемся. Сегодня у нас пир! Прощальный. Заотдыхались мы.

Потом подошёл к Прохору, покрутил его:

– Хорошо починен, – сказал я. – Дарья Алексеевна, выношу вам благодарность от лица командования за возвращение в строй личного состава.

– Фу, какой ты скучный, – скривился Громозека.

Я рассмеялся:

– А на самом деле, я очень рад, что всё обошлось! Ребята, как же мы лоханулись!

– Ну, вот, а то – старшину включил! – Громозека подскочил и обнял. Следом налетели и остальные.

Пришлось наводить порядок:

– Так! Почему не выполняется моя команда? Кому вынести выговор в личное тело с печатью в грудную клетку?

Люди занялись делом – перетаскиванием разделанной туши медведя в БТР. Только тогда я осмотрел себя. М-да, красавчик! Хотя раны и были сращены выше всяких похвал, но синюшные тройные полосы пролегли от ключицы до поясного ремня. То же и на спине – от лопатки к плечу. Такой вот автограф мне оставил хозяин тайги. Вопрос был по шнурку, что держал крестик на моей шее. Шрам пролегал прямо под ним, но шнурок был цел. Может, отклонился?

– Шнурок этот невозможно повредить. Он не материальный. Одна видимость. Он сам распадётся... – сказала, подходя, Даша.

– Я помню, за сутки, – я обнял её, спрятав лицо у неё на груди.

– Что случилось? – встревожилась она.

– Я не знаю, может, это просто сон, а может, я единорога видел.

– Единорога? А с ним не было медведя, тигра и старика?

– Он не старик.

– Так ты его видел! – подпрыгнула она.

– Это был сон.

– Он всегда приходит во сне.

– Может быть, – пожал я плечами.

– В разных обликах он является. Всем по-разному. Кому в виде великана, кому – стариком со свечёй и филином, кому – подростком...

– Подожди, великан и старик со свечёй – это же сказочный Святогор.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на ребёнка, что вслух удивляется очевидным вещам.

– Он помог тебе?

– Чё-то я и не понял, – опять пожал я плечами, – помог он или ещё больше запутал.

Я отпустил Дашу, поднялся, сорвал остатки гимнастёрки со своих плеч, посмотрел на эту окровавленную тряпку и бросил её в чёрное пятно, оставшееся от разделанного медведя.

– Пошли, Ведьма!

– Пошли, Странник.

Ох и радости было! Мясо – оно всегда ценно, дармовая дичь – особенно, а медвежье мясо и жир – вообще считались лечебными. Собрался весь посёлок, Даша распределяла тушу. Я обратил внимание, что из мужского пола только мальчишки и два деда древних, одного из которых я уже знал – он медведю молился. На мой вопрос Даша сделала удивлённое лицо:

– Война же. Кто воюет, кто лес заготавливает. Проша вот воюет, а старший – бригадир на лесозаготовке. Он же механик. Там он один с тракторами может управиться. Потому и бронь дали.

– Прохор говорил, что он за брата пошёл.

– Так ему и сказали. Завет отца – непререкаем. Он знал, что пути ваши пересекаются. А у старшего дар – железку оживлять. Не людей.

– А где его семья?

– Так вот они! Это – жена, а дети – вон, с моими перепутались.

– Немудрено перепутать.

– Родня же.

Захотелось шашлыка. Никогда не едал шашлыков из медвежатины, но с удивлением понял, что шашлык для меня – неперенный атрибут любого застолья под открытым небом, для них – невидаль. Сам и занялся. Дед-медведепоклонник мне отсёк самого нежного мяса, сам нашёл ёмкость для маринования: перец, соль, уксус, лук и остальная зелень проблемой не были. Захотелось замариновать в майонезе. А майонеза нет. Не беда! Опять же, уксус, перец, соль – есть, подсолнечное масло и яйца – тоже в достатке. Сложности возникли с лимоном. Но небольшие сложности. Нашли. Как? Сие мне не ведомо. Посадил пару шустрых девочек взбивать яйца, руководил ими до получения майонеза. Боялся, что без миксера не получится. Получилось.

Посёлок наполнился дурманящими запахами. В каждом дворе что-то готовилось – этакая кооперация и разделение обязанностей. А к вечеру стали на лугу составлять столы, накрывать их скатертями домоткаными и блюдами с праздничными яствами.

Сам мариновал, сам же и готовил шашлык, окруженный плотной группой мальчишек, весьма любопытных и не умолкавших ни на минуту. Их интересовало всё, они меня просто одолели вопросами. И про жизнь в России (именно так они и выражались, как будто тут не Россия), про войну. Особенно про войну. Но и помогать не отказывались. Делали всё споро и ловко. Молодцы. Хорошая смена растёт. Когда шашлык был готов, в угли закопали картошку.

Прежде чем сесть за стол, сходили на реку ополоснуться. Я – в эскorte гомонящих пацанов. После помывки одел данную Дашей рубашку-косоворотку. Расшитую узорами. Парадно-выходную. В плечах пришлась впору, а вот в поясе был приличный запас. Вот так вот и сел за стол по правую руку от Даши. В таком вот виде – косоворотка, камуфляжные штаны и берцы, пережившие все мои злоключения. Справа от меня расселись мои спутники, напротив – местные. Дети – к краям.

Первый тост произнёс самый старший из присутствующих – дед-медведепоклонник. Ессно, за победу. Пили, стоя, прозрачную, как слеза, самогонку. Этот уральский виски был

крепок, как спирт. Первач! Ах, да, это в фильмах самогон – мутный. Я такого мутного не пил никогда.

Ну, как говорится, меж первой и второй – муха не пролетела. Встал я. Поблагодарил Дарью Алексеевну за «ремонт» личного состава доблестной Красной Армии и тост поднял именно за неё:

– Если нас с боя не будут ждать такие уголки Родины, как у вас тут, не ждут такие красавицы и такие прелестные дети, воевать не за что!

Третий – молча и стоя.

А теперь можно и жевнуть!

Только вот беда – что-то запьянел я. Да не как-нибудь, а стал песни горланить. И про грохочущие на поле танки, про девушку, что не узнает геометрии конца танкиста, про чёрного ворона, про кающегося и плачущего демона, спрашивая, станет ли ближе его нам кто-нибудь?

Про демона песня убила всех. Мне посоветовали закусывать и запели сами. А потом опять пел я. Про коня, с которым пойдем по полю, потому что любим Россию. Вот эту песню Матвиенко приняли. Ну, тогда продолжим из репертуара Любэ, благо Кадет и Громозека уже знали их и пели хором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.